Гремучий ручей

Автор:
Татьяна Корсакова

Гремучий ручей

Татьяна Владимировна Корсакова

Гремучий ручей #1

Беда не приходит одна.

И кажется, страшнее беды, чем война, быть не может. Когда твой дом – больше не твоя крепость. Когда из окон его видны виселицы. Когда твое сердце полнится ненавистью и страхом.

Но беда не приходит одна… Вслед за оккупантами в тихий городок вползает нечто темное и ненасытное. И старый дом на дне Гремучей лощины просыпается от многолетнего сна, чтобы вспомнить, каким он был, какие люди в нем жили. Или не-люди?..

А сама ты слышишь тихий шепот, что доносится со дна лощины. И крик той, что ушла навсегда, рвет барабанные перепонки – вспоминай!

Вспоминай, на что способна! Вспоминай, кто ты есть на самом деле!

Безобидная старуха?.. Учительница немецкого?.. Безропотная жертва?..

Или нечто большее?!

Хочешь спасти тех, кого еще можно спасти? Тогда пришло твое время заглянуть в бездну…

Татьяна Корсакова

Гремучий ручей

Ольга пыталась не смотреть. Не смотреть. Не слышать. Не быть.

Ей не дали. Никому из них не дали. Даже маленьким детям…

Их выгнали из домов на рассвете. Поднимали с постелей пинками, тумаками и прикладами. Всех, от мала до велика. Поднимали, чтобы, как скот, загнать на пятачок перед сельсоветом. Когда-то накануне Первомая здесь устанавливали деревянную трибуну, с которой председатель Антон Петрович поздравлял сельчан, вручал грамоты за ударный труд. Сейчас тоже установили. Только не трибуну, а виселицу. Три столба на высоком, наспех сколоченном помосте. Три раскачиваемые мартовским ветром петли. Три фигуры, ярко освещенные фарами грузовиков. Хотелось думать, что это не взаправду, что это такой спектакль, страшное действо на потребу толпы. Хлеба и зрелищ!

Вот только толпа не хотела! Не хотела, боялась и ненавидела. А еще скорбела по этим троим, которые еще живы, но уже покойники.

Ольга пыталась не смотреть. Она закрыла глаза сама и прижала к груди Танюшку, малодушно надеясь, что им позволят не видеть.

Не позволили. Ударили прикладом в бок ее, оттолкнули онемевшую от ужаса Танюшку – подальше от нее, поближе к этому импровизированному эшафоту.

Ольга не почувствовала боли. Наверное, из-за страха за внучку. В какой-то момент подумала, что сейчас – вот прямо сейчас! – фигур на эшафоте станет на одну больше. Больше на одну испуганную шестнадцатилетнюю девочку.

Но нет… Эти ироды были заняты другим. Ироды готовились к представлению, готовили сцену и зрителей. Чтобы смотрели. Чтобы на веки вечные запомнили и впредь даже в мыслях своих не смели сопротивляться новой власти.

Те, что стояли на сцене, посмели. Ольга знала каждого. Двоих из них она учила в школе. Старший когда-то ухаживал за Лидией, ее дочкой. У них не срослось. Помнится, тогда эти юношеские страдания казались такими серьезными и такими значимыми. И Лиде, и ей самой. Первая любовь всегда оставляет раны на юных сердцах. Но все утряслось, юность прошла, уступая место взрослым заботам и здравомыслию. Много всякого случилось за минувшие годы, но этот… теперь уже не юноша, а мужчина, никогда не переставал любить ее единственную дочь. Даже после того, как женился на другой, а потом овдовел. Даже после того, как Лидии не стало. И сейчас Ольге казалось, что он смотрит на Танюшку. Выискивает ее глазами в толпе. Танюшка похожа на мать, она почти точная ее копия, и он прощается с тем, что так и не случилось, но оставило раны на сердце.

А Танюшка смотрела на мальчика. Нет, после того, что он совершил, уже не мальчика, а мужчину. Как жаль, что это ненадолго. Как несправедливо и как чудовищно! Они были одноклассниками. Никакой влюбленности – только дружба-соперничество. Все то, что присуще шестнадцатилетним. Было присуще. Нельзя забывать, что прежний мир рухнул, что теперь его наполняют вот эти страшные, ко всему равнодушные люди со свастикой на рукавах. И другие страшные. Нет, пожалуй, еще страшнее, потому что не чужеземцы, а свои. Были своими. До войны…

На помост взошел один из таких, из бывших «своих». Мишаня-полицай. Тоже Ольгин ученик. Тут половина села была ее учениками. А в полицаи выбился только этот. И откуда что взялось? Ведь тихий был, прилежный. Ольга попыталась вспомнить, обижали ли его другие дети. Учитель в ней все еще искал оправдания чужим злодеяниям, искал причину этой страшной, нечеловеческой какой-то подлости. Искал, но так и не находил. А глаза, уже свыкшиеся с рассветным сумраком, всматривались в третью фигуру, сухонькую, согбенную, со скрещенными на груди натруженными руками. Мать мужчины и бабушка мальчика, первая и последняя женщина в роду, который вот-вот прервется…

– Смотрите все! – Рявкнул Мишаня-полицай. Он взмахнул руками, словно пытался обнять всех тех, кого силой согнали на площадь. – Смотрите и запоминайте!

Он подбоченился и стал похож на средневекового глашатая. Только вместо шляпы с пером у него была фуражка, а вместо свитка – автомат. Ему нравилось. Как же ему нравилось выступать на этой сцене! Он купался в людском страхе,

пил его жадными глотками и не мог напиться. Прежде чем продолжить, он вопросительно глянул на человека, предпочитающего оставаться в тени. Нет, не человека, а зверя. Нужно называть вещи своими именами! Если по-немецки, то вервольфа – эдакого оборотня с холодным и равнодушным взглядом. Этому было все равно. Служебная рутина – и не более того. Население должно понимать, что любое сопротивление закончится неминуемым наказанием. Показательной казнью. Чтобы запомнили надолго. Чтобы рассказали остальным. Чтобы впредь было неповадно…

Справа всхлипнула и зашлась тихим плачем маленькая девочка, и ее мать испуганно-отчаянным жестом зажала ей рот рукой. Почти придушила, только бы та замолчала, только бы не привлекала к себе внимание фашистского начальника. В новом мире дети взрослели быстро, и девочка затаилась, лишь ее широко раскрытые от ужаса глаза наполнялись слезами. Немыми слезами.

– …Будет наукой! – Мишаня-полицай все говорил-говорил, но Ольга его не слышала, искала в толпе Танюшку.

Девочку крепко держал за руку бывший школьный завхоз Василь Петрович. Взгляд его был мрачен и сосредоточен. По его суровому лицу было видно – случись что, он закроет Танюшку собственным телом. Жаль, он не мог закрыть ей глаза… Чтобы не видела, чтобы не носила до конца дней своих эту боль и этот ужас в душе.

А Танюшка смотрела. Смотрела на Мишаню-полицая с такой неукротимой ненавистью, что Ольгу прошиб холодный пот. Если увидят, если только взглянут на нее – все… быть беде.

Наверное, Василь Петрович услышал ее немой крик, или просто и сам много чего понимал в этой жизни, потому что едва заметно кивнул Ольге и шепнул что-то Танюшке на ухо. Что шепнул? Наверное, что-то такое… правильное, что заставило ее девочку вздрогнуть, а потом ссутулиться, втянуть голову в плечи.

Хорошо. Нет, ничего хорошего в происходящем не было и не могло быть, но тиски, сжимавшие сердце, чуть разжались. Они еще сожмутся до предела – придет время, но сейчас хотя бы можно попытаться сделать вдох. И смотреть. И запоминать. Потому что ей тоже теперь с этим жить. Им всем теперь с этим жить. Если вообще получится выжить…

До блеска начищенный сапог Мишани-полицая ударил сначала по одной табуретке, потом по второй и третьей… Над площадью пронесся тихий стон, заплакали, заскулили как новорожденные кутята, дети. А Ольга видела только болтающиеся в воздухе босые ноги. И чувствовала такую лютую ненависть и такую дикую ярость, что та превратила стальные тиски в оплавленную груду металла! Давно в ней не было этой силы. А может, никогда и не было. Может, она напридумывала себе все, наслушавшись страшных сказок бабы Гарпины. И все остальное тоже напридумывала?..

Из граничащего с трансом забытья ее вывел звук автоматной очереди. Стрелял вервольф. Пока еще просто в воздух. Пока еще не в отшатнувшихся в ужасе сельчан. Чтобы теперь запомнили уже наверняка.

Они простояли под прицелами автоматчиков еще три часа, цепенея от страха и лютого мартовского ветра, каменея сердцами и душами, не решаясь посмотреть друг другу в глаза, не решаясь поднять взгляд на три парящие в рассветном небе фигуры.

Были люди, стали ангелы – проскрипел в голове голос бабы Гарпины. Баба Гарпина знала много интересных историй. Про ангелов тоже.

А Танюшка смотрела прямо перед собой. Шмыгала носом, сжимала посиневшие от холода кулаки, шевелила губами, словно молитву читала. Только не знала она молитв. Вот Ольга знала. От бабы Гарпины. От кого же еще? И молитвы, и прочее… Думала, никогда не пригодятся такие знания. Да и как пригодится то, во что не особо и веришь? Тогда не верила, а сейчас из оплавленных тисков выковывалось что-то новое, остроконечное. Может быть, вера?

А Василь Петрович молодец, продолжал присматривать за Танюшкой. Держал крепко, только теперь уже не за руку, а под руку. Словно в стариковском бессилии опирался на хрупкое девичье плечо. Он и был стариком, но еще крепким. Крепким и умным. Понимал, как надо, чтобы в живых осталось как можно больше людей. Чтобы молодость не наделала глупостей. Хороший человек, настоящий.

Когда Мишаня-полицай с молчаливого разрешения вервольфа позволил сельчанам разойтись по домам, Ольга подошла к своим.

– Спасибо, – шепнула она Василю Петровичу.

– Ай, перестань, Оленька. – Он разжал желтые от никотина пальцы, которыми держал Танюшкину руку. – Ничего я не сделал. Пойдемте. Не нужно нам тут…

– А они?! – Танюшка попятилась к эшафоту. – А они как же?

– А они останутся. – Теперь уже Ольга сжала ее руку, потянула к себе, заглянула в обычно серые, но сейчас уже синие, как и у всех у них в роду, глаза. – Не позволят их сейчас снять, Татьяна.

– Потом… – Василь Петрович вздохнул, закурил самокрутку. Едко запахло самосадом, аж в глазах защипало. Или в глазах защипало от другого? – Все по-божески сделаем. Как надо.

– Ему было шестнадцать… – Танюшка схватила себя руками за горло, словно это она сейчас болталась в петле, словно это ей сейчас не хватало кислорода. – Он же еще… – Наверное, она хотела сказать «ребенок», но оборвала себя на полуслове, вспомнила, что детства больше нет, что его одной лишь автоматной очередью отменили вервольфы со свастикой.

– Эй, Танюха! Иди-ка сюда! – К ним неспешным шагом приближался Мишаня-полицай. – Иди, не бойся. Разговор имеется!

– Молчи, – процедила сквозь стиснутые зубы Ольга. – Молчи, я сама буду говорить.

– А ты, старая, чего стала?! – Мишаня лыбился. Глаза у него были по-рыбьи прозрачные. И как она раньше не замечала? – Ступай, я с Танюхой желаю говорить.

– Говори со мной, Михаил, – твердо проговорила Ольга. Не подвел многолетний учительский опыт – заставлять себя слушать. Даже вот таких, как этот рыбоглазый. – При мне говори, чего хочешь?

А Танюшку она отпихнула к себе за спину и на Василя Петровича глянула многозначительно – удержи, не дай девочке наделать глупостей, пока мы тут…

разговариваем.

– Чего я хочу? – Ухмылка Мишки из растерянной сделалась похабной. – Чего я хочу, то тебе, старая, знать не нужно. А вот господин фон Клейст хочет, чтобы в его доме был порядок.

– В его доме?

– В Гремучем ручье. Не придуривайся, что совсем из ума выжила. Прислуга нужна, но не из этого сброда… – Мишаня проводил презрительным взглядом спешащих покинуть площадь сельчан. – Из интеллигенции. И чтобы непременно по-немецки понимала. – Сплюнул себе под ноги и усмехнулся. – Танюха же твоя умная, немецкий язык знает.

– Я его лучше знаю. – Ольга, не мигая, смотрела в стылые рыбьи глаза. Где-то там, на их дне, есть петелька. У каждого человека она есть, так баба Гарпина рассказывала. Если эту петельку подцепить да за нее потянуть, то душу человечью можно наружу вытащить. Кто посильнее, так может и навсегда. А кто такой, как она, Ольга, тот так… на время. Но пока ты за петельку тянешь, человек тебя слышит и слушается. Насколько твоих сил хватает.

Ее сил хватило ненадолго, но все равно хватило. Мишаня-полицай моргнул, икнул, сбил фуражку на затылок, а потом велел:

– Ладно, завтра приходи в комендатуру за пропуском.

В голосе его слышалось удивление, словно бы он и сам не верил в то, что говорил. Однако ж Ольгиной силы хватило, чтобы сказал и в сказанном утвердился. Вот только голова у Ольги заболела невыносимо, до кровавых брызг перед закрытыми глазами…

– А за Таньку не боись, – Мишаня еще раз сплюнул через щербину между зубами. – Если меня будет держаться, я в обиду ее не дам. Слышь, Танюха! – Он вытянул шею, глянул поверх Ольгиного плеча. – Раскинь мозгами, кто тебе сейчас настоящий защитник. Со мной будешь как сыр в масле кататься. А если станешь кобениться…

– Она не станет, – отрезала Ольга. Решение, до этого смутное, несформированное, обрело плоть. Этот не уймется. И остальные, которые вервольфы, не уймутся. Они лишь начали входить во вкус. Будут еще и расстрелы, и виселицы. Много всякого страшного еще будет. А ей уже нечего терять.

Нет, ей есть, что терять. У нее есть Танюшка, единственная родная душа на всем белом свете. Ради Танюшки она и решилась на все это. Ради нее и односельчан. Как все получится, непонятно. Да и получится ли? Но тянуть и терпеть больше нельзя. Рано или поздно Мишаня переступит порог их дома, с четким намерением переступит. А может и не Мишаня, может любой другой их этих… с автоматами. Так уже было. Для нелюдей нет ничего святого, честь – для них пустое место, а чужая боль – источник удовольствия.

– Что ты сказала, старая? – Мишаня приблизился, наклонился. Его рыбьи глаза снова были близко. Выцарапать бы…

Но Ольга не стала. Превозмогая головную боль, она снова потянула за петельку. Эх, хватило бы сил, чтобы вышибить из тела эту гнилую душу! Вышибить, намотать на кулак, а потом зашвырнуть куда подальше. Но сил осталось лишь на то, чтобы Мишаня моргнул, снова сплюнул себе под ноги и поспешил прочь по каким-то внезапно появившимся неотложным делам. Если им повезет, о Танюшке он не вспомнит еще неделю. А за неделю Ольга должна управиться. Как-нибудь…

До дома ее вела Танюшка. Ольга не видела ничего от боли, шла на ощупь, механически переставляя враз отяжелевшие ноги. Василь Петрович порывался проводить, но Ольга отказалась. Никто ей сейчас не поможет. Тут другое нужно. Вспомнить бы, что именно. Не была она прилежной ученицей. Рассказы бабы Гарпины слушала вполуха, хоть та и ругалась, заставляла повторять по несколько раз. А для надежности еще и записывать в толстую тетрадь. Сама-то она была неграмотной, ни читать, ни писать не умела, но память в свои почти сто лет имела по-девичьи острую, все даты, все события помнила наизусть. Сама помнила, а Ольгу заставляла записывать в тетрадку. Где сейчас та тетрадка? Выбросить память о бабушке Ольга не могла, но и на виду не держала. Значит, где-то на чердаке, в старом дубовом сундуке вместе с остальными уже никому не нужными, почти забытыми вещами. Только бы хватило сил, чтобы на чердак подняться. В другой раз отправила бы Танюшку, но Танюшке такое знать нельзя.

Не сейчас. А если повезет, то и вовсе ей не понадобятся эти знания. Если у нее, у Ольги, все получится. Если баба Гарпина говорила правду, если не придумала все эти… сказки.

Танюшка не плакала. Шла молча, шмыгала носом, терла красные глаза, но не плакала. И дома не стала. Ольге казалось, лучше бы выплакалась, накричалась в голос. Глядишь, хоть на время бы отпустило. Но внучка молчала. Перешагнув порог, так и села на стул, не разуваясь и не снимая полушубка.

– К печке пересядь, – велела Ольга. – Продрогла же.

Она и сама промерзла до костей, но рассиживаться у печи было недосуг. И для Танюшки нужно придумать какое-нибудь занятие. Когда есть занятие, проще не думать о том, что теперь никогда не забыть.

– Воду поставь. Будем чай пить. – Она стянула телогрейку, повесила на вешалку, подышала на озябшие ладони. – Слышишь меня, Татьяна? На стол накрой, я сейчас приду.

В сенях было сумрачно, но зажигать свет Ольга не стала. Уверенно взялась за гладко отполированное дерево. По этой приставной лестнице она лазила с детства, и с детства же знала каждую перекладинку. Вот только сил почти не осталось…

Пришлось брать волю в кулак, цепляться за перекладины онемевшими, бесчувственными пальцами, заставлять себя двигаться. Оказавшись в пыльной тишине чердака, Ольга несколько минут просто стояла, собираясь с духом и крепко зажмурившись, пережидая, пока откатится очередная волна боли.

Старый сундук она нашла в самом дальнем углу чердака. Впрочем, искать его не пришлось. Сколько Ольга себя помнила, сундук бабы Гарпины всегда стоял в этом месте.

Но к тому, что сундук окажется запертым на замок, она была не готова. Пришлось осматриваться, искать что-нибудь похожее на лом, потому что ключа у Ольги не было. Или был, но так давно, что она и думать о нем забыла. Пока искала инструмент, немного пришла в себя, в промежутках между вспышками головной боли начала видеть очертание предметов. Ничего особенного –

обычный, никому уже ненужный деревенский скарб. Плетеные из лозы этажерки, паянный-перепаянный медный самовар, старая домашняя утварь, затянутое паутиной зеркало. В зеркало Ольга заглянула. Из его сизого нутра на нее посмотрела маленькая синеглазая девочка. Всего лишь на мгновение, как воспоминание о том, какой она была много лет назад. Хватило одного лишь взмаха ресниц, чтобы девочка превратилась в старуху. Да, высокую. Да, статную. Да, все еще не растерявшую былой красоты, но все равно старуху. Пролетела жизнь. Пролетела, а она и не заметила. Жила, словно во сне, и только сегодня очнулась. Там, перед эшафотом, очнулась, посмотрела на все происходящее трезвым, холодным взглядом. Или не сама посмотрела? Или заставили посмотреть? Посмотреть и вспомнить то, что казалось забытым на веки вечные.

С замком Ольга справилась быстро, откинула тяжелую крышку, заглянула внутрь сундука. Тут было всякое. Некогда хорошо знакомое, даже любимое, удивительное и одновременно непостижимое. Она брала в руки одну вещь за другой, и в мозгу все шире и шире открывалась невидимая дверка.

– …Тебе пока это не нужно, Олька… – скрипел из-за дверцы голос бабы Гарпины. – Даст бог, и не понадобится. Я пока все это в сундук приберу. Вот это все… А ты закрывай глазки, закрывай. Не было ничего, все приснилось, привиделось тебе. Забывай…

– Я не хочу забывать, – сказала Ольга и покачала головой. – Я хочу вспомнить!

– А как придет время, так и вспомнишь. – Дверца раскрывалась все шире и шире. – А что не вспомнишь, то прочитаешь. Тут много разного для тебя оставили. Оставили, а мне велели присматривать. Как умела, так и присматривала. За вами за всеми, как умела… – Дверца уже распахнулась, а голос бабы Гарпины становился все тише и тише. – Сколько жила, столько боженьку молила, чтобы тебе не довелось, чтобы ни одной из вас не довелось… Но судьбинушка у каждого своя. У вас она вот такая… кровью залитая.

Захотелось замотать головой, зажать уши ладонями, чтобы не слышать этот и без того уже едва различимый голос, чтобы снова забыть.

– Тебе их бояться не нужно… Это все, что я знаю. Может, и еще что-то есть, но это ты уже сама… как время придет. Но лучше бы, чтобы не пришло…

– Пришло, баба Гарпина… – прошептала Ольга, вынимая из сундука толстую, перевязанную бечевкой тетрадку. – Такое страшное время пришло, что страшнее уже некуда. Мне помощь нужна… Хоть какая…

– …Сто раз подумай, Оленька. А нужна ли тебе такая помощь?.. Управишься ли ты? Удержишь ли в узде? – Уже не из-за дверцы голос, а из-за спины, только оборачиваться Ольга не стала. Не потому, что испугалась, что увидит за собой бабу Гарпину, а потому что сил не было. Раз решилась, нужно действовать. Нет другого выхода.

– Я за Танюшку боюсь, – сказала она шепотом. – Если я за нее не заступлюсь, кто тогда?

Ей никто не ответил. Да и с чего бы? Нет тут никого, привиделось, примерещилось из-за головной боли. Но боль та неспроста, тут себя не обманешь. И петельку в гнилой Мишаниной душе она сама нащупала. Нащупала и потянула. Значит, не придумывала баба Гарпина, значит, есть и в ней это необычное, то, о чем стыдно признаться в наш цивилизованный век. Признаться стыдно, а воспользоваться все равно придется. Нет у нее другого выхода. Кажется, точно нет.

* * *

Баба Гарпина была… странной. И старой. Сколько Ольга себя помнила, она не менялась: высохшая, высокая, смуглокожая, длинноносая. Ведьма. Ведьма и есть. Ее боялись деревенские. За что боялись, Ольга уже и не помнила. В детстве, а потом уж и в юные годы не до того ей было, не до анализа. Есть в ее жизни баба Гарпина – ну и хорошо! А то, что странная, так не беда. Главное, что баба Гарпина ее любила, заменила ей рано умершую маму, сама, своими силами поставила на ноги, дала образование. Об образовании неграмотная баба Гарпина пеклась особо.

– На меня не смотри, Олька! Я старая, темная, мне ваши науки без надобности. Но ты другая, ты обязана…

Она никогда не договаривала, что Ольга обязана, но за тем, чтобы Ольга прилежно училась, следила строго. А когда пришло время выбирать профессию,

проявила удивительную непреклонность:

– В Москву поедешь! Там самое хорошее образование.

Образование может и хорошее, но где на Москву взять денег?

– Решу. – От всех сомнений и доводов баба Гарпина отмахивалась, как от несущественных. – Будут деньги, Олька. Твое дело – учиться, человеком стать. Я отцу твоему обещала, а слово свое я держать умею.

Отца Ольга никогда не видела. Впрочем, как и маму. Знала только от той же бабы Гарпины, что людьми они были очень достойными, не чета многим. Мама умерла в родах, а отец погиб еще раньше. Как погиб, баба Гарпина не рассказывала, лишь однажды обмолвилась про ужасное несчастье. Вот так и остались они вдвоем. Сначала, пока Оля была совсем маленькой, жилось ей беззаботно, но очень скоро баба Гарпина взялась учить ее странной и непонятной науке.

– Все тебе, Олька, не скажу. Все тебе знать пока без надобности, но самое главное расскажу, чтобы, когда начнется, когда поднимется в тебе это, ты не испугалась, устояла на ногах.

Помнится, Ольга тогда спросила, что поднимется и чего ей не нужно бояться, но баба Гарпина лишь махнула костлявой рукой и велела:

– Тетрадь бери и перо, завтра учебу начнем. Сегодня сил что-то нет. Суставы крутит, наверное, к грозе.

Она не ошиблась, в тот же вечер приключилась гроза такой силы, что ветром валило деревья, срывало крыши с сараев, поднимало в воздух телеги. Была в бабе Гарпине эта особенная чуйка на перемену погоды. И на другое всякое, если уж на чистоту. А учить Ольгу она начала только спустя полгода. Ольга уже и забыла про тот разговор, но баба Гарпина не забывала ничего.

Это были странные уроки. Иногда странные, а временами страшные. Настолько страшные, что по вечерам Ольга боялась спать без света, и тогда баба Гарпина приносила в ее комнату свечу, ставила на стол, хмурила совершенно седые, но

все еще густые брови и говорила:

– Тебе не надо этого бояться, Олька. Ты только учись прилежно, запоминай, что нужно делать, как нужно защищаться, случись что.

Ольга не хотела ни запоминать, ни защищаться, она хотела во двор к друзьям. Хотела забыть всю эту дикую, неправильную какую-то науку. Пришло время – и забыла. Баба Гарпина заставила забыть, заглянула ей в глаза, нащупала невидимую петельку, потянула.

– …Придет время, вспомнишь… – Ее сиплый голос растворялся в вое ветра. Снова начиналась гроза. – Самой не пригодится, девочкам передашь. Вот так же, как я тебе, и передашь. Пусть знают.

– Каким девочкам? – ее собственный голос тоже был едва различим. Ольга почти оглохла и почти ослепла в этой грозовой круговерти. Ее длинные волосы рвал ветер, и она все пыталась пригладить их, вырвать из цепких грозовых лап.

– Нашим… Твоим девочкам передашь. А пока не нужно, пока не время.

На голове бабы Гарпины был привычный черный вдовий платок. Может, поэтому, а может, еще почему, ветер обходил ее стороной, не трепал не то что волос, даже подола длинной юбки не касался.

– А тетрадку свою в сундук положи рядом со всем остальным. Придет время – откроешь, прочтешь. Ох, хочется мне тебя уберечь, Ольга! Но, видать, плохая из меня защитница, даже сейчас не могу всей правды рассказать…

Всей правды? А то, что рассказано, еще не вся правда?! То, от чего в жилах стынет кровь? То, что разум отказывается понимать и принимать? Спросить бы, за что ей все это…

Она и спросила. Закричала, перекрикивая ветер.

– Почему я?!

– Потому что доля такая у тебя… – Баба Гарпина провела ладонью, словно гладя по холке какого-то невидимого, но очень крупного зверя, и ветер тут же утих. Может, это его она и гладила? – Потому что за все нужно платить… Она заплатила. Думала, справится. Думала, остальных это стороной обойдет, а оно вона… не обходит. В крови это, Оленька. В крови! А кровь – не водица. Мне ли не знать? Я много всякого знаю, много помню. И рада бы забыть, но не могу. Сама не могу, а тебе, детка, помогу. Ну-ка, вспомни все, что я тебе рассказала!

Ветер стих, а Ольгины волосы все еще парили над головой, сплетались в косы, чтобы тут же распасться на пряди.

– Я не хочу!!! – закричала она и поймала свою косу, дернула со всей мочи, до боли, до слез.

– Вспоминай, – велела баба Гарпина строго. – Это важно, Ольга. Это наше с тобой наследие. Мы его не выбирали, но раз уж так вышло…

Не вспоминать… Не помнить… Не смотреть… Не видеть…

– А теперь забудь. – Голос бабы Гарпины звучал прямо у нее в голове. – Забудь, Оленька! А вот когда снова почувствуешь то, что сейчас чувствуешь, начинай вспоминать. Не все и не сразу. Сразу нельзя, опасно! Сначала про петельку вспомни, потом про тетрадочку свою. А дальше уже легче все пойдет. Ты к тому времени уже взрослая будешь, сама решишь, как с этими знаниями поступить. Одно помни всегда – это такие силы, с которыми шутки плохи. Никто их не звал, никто не просил. Сами пришли. Сами в горло вгрызлись. Они не виноваты. А кто виноват, того уже давно нет на этом свете.

Коса в руке сделалась твердой, словно из стальных прутьев сплетенной. И не коса это вовсе, а ошейник. Тонкий, серебряный ошейник. Лежал на дне сундука, пока Ольга не взяла его в руки. Там еще много разного – на дне, но ей сейчас нужна тетрадка. Вот эта, пухлая, с истрепанными, пожелтевшими страницами, исписанными по-детски старательным, аккуратным почерком.

…Сначала про петельку вспомни, потом про тетрадочку свою. А дальше уже легче пойдет…

Пойдет ли? Что ж не предупредила ее баба Гарпина, что так тяжело будет вспоминать? Так тяжело и так больно…

Бордовая и густая, как вишневая настойка, капля упала прямо на тетрадный разворот, закрасила красным самое первое предложение. Ну и пусть! Ольга помнила его наизусть.

«Этого не может быть!» Вот, что она написала много лет назад. Тогда не верила, а сейчас что же? Повзрослела? На старости лет поверила в сказки? Или почуяла?

Ведь почуяла же! Как петельку нащупать, как потянуть, как заставить другого слушаться. Тихий, едва различимый зов тоже услышала. И испугалась. Вот сейчас по-настоящему, до дрожи в больных, убитых артритом коленях. Не потому ли испугалась, что вспомнила? Или потому, что поверила?

Не важно! Решение принято! Там, на лютом мартовском ветру, что раскачивал парящие в рассветных лучах тела, принято. И назад дороги нет.

Никто их не звал, никто не просил. Сами пришли. Сами в горло вгрызлись.

Пришло ее время встать на защиту рода. Сколько там от того рода осталось? Она да Танюшка. Вот ради Танюшки и нужно решиться. Баба Гарпина не уберегла ее маму, а она не уберегла Лидию, свою единственную дочь. Не уберегла, отпустила на фронт вслед за Петром. Куда муж, туда и жена. Так шутила Лидия. Пыталась шутить, хоть и выходило плохо. Оба они понимали – и Петр, и Лидия – что, возможно, не вернутся уже никогда, что оставляют на нее свое единственное дитя. Понимали, но все равно ушли, потому что совесть, потому что долг, потому что «через полгода, мамочка, эта война закончится». А через полгода пришли похоронки. Сначала на Петра, потом на Лидию…

На то, чтобы не закричать в голос, Ольгиных сил хватило. И на то, чтобы спрятать похоронки, тоже. Не нужно Танюшке это знать. Не сейчас. Она расскажет потом, когда все закончится, когда не придется бояться каждого нового дня. А пока нужно крепиться, взять себя в руки, сцепить зубы и жить дальше. Ради внучки.

Наверное, именно тогда, пряча в укромном месте похоронки, Ольга и начала вспоминать, а теперь вот вспомнила окончательно.

… – Бабушка! – Тихий голос Танюшки заставил ее вздрогнуть, торопливо утереть закровивший нос. – Бабушка, чай готов! Ты где?

– Иду! – Ольга сунула тетрадь за пазуху, закрыла сундук. Надо будет навесить новый замок, но это уже потом. Сейчас нужно спускаться.

* * *

Пропуск ей выписали в комендатуре. Чтобы выписали без заминок, снова пришлось вспомнить уроки бабы Гарпины. На сей раз получилось быстрее и проще, головная боль вспыхнула, но почти тут же стихла. Куда дольше голова болела после разговора с внучкой. Танюшка не понимала, не хотела понимать. И отпускать ее в Гремучий ручей тоже не хотела.

– Бабушка, зачем тебе?! Бабушка, там же кругом эти звери! – Танюшка кричала, сжимала кулаки, словно готовилась ударить невидимого врага.

– Тише. Тише, Татьяна! – Она умела быть строгой. Пожалуй, она и была строгой. А после похоронок к строгости добавился еще и страх. Она никому не позволит отнять у нее внучку. И внучке не позволит наделать глупостей.

– Бабушка…

– Я сказала, замолчи! Замолчи и слушай! Сюда иди, в глаза мне смотри, Татьяна.

Найти Танюшкину петельку было легко. Тонкая, словно из шелка сплетенная, светящаяся. Ольга старалась сильно не тянуть, не делать больно. Ей просто нужно, чтобы девочка не мешала, чтобы кое-что забыла.

Подумалось вдруг, что баба Гарпина поступала с ней точно так же, стирала и заново переписывала воспоминания. Хорошо это или плохо? Тогда, много лет назад, Ольга бы сказала, что это отвратительно, но сейчас… Сейчас это была ложь во имя спасения. У нее никого больше не осталось, никого, кроме этой смелой и глупой девочки. Единственная ее задача – девочку уберечь. Какой ценой? Да любой! Баба Гарпина бы ее поняла и не осудила. Баба Гарпина многое знала наперед.

– Так надо, Татьяна. – Ольга отпустила петельку, погладила внучку по черным волосам. Глаза синие, волосы черные. Кто пройдет мимо такой красоты? Уже останавливаются, уже заглядываются. Пока только лишь заглядываются. – К ужину вернусь. Ты тут приберись пока.

Танюшка кивнула. Вид у нее был растерянный. Точно такой же, как у Мишани-полицая. Словно бы она удивлялась своему собственному решению. Или не принимала его.

Не важно, главное, что подчинилась, перестала задавать вопросы. А то, что зубы стиснула, да кулаки сжала, не беда. Горячая кровь. Пройдет.

До усадьбы Гремучий ручей был час ходу. А по молодости, помнится, Ольга добегала до усадьбы за сорок минут. Как давно это было! Словно и не с ней.

Гремучий ручей был местом особенным, тянуло к нему людей. И людей и, надо думать, нелюдей. Ведь не просто так там случилось то, что случилось. Пожар не просто так приключился. Хозяев не просто так «на вилы подняли». Про вилы рассказывал сосед дед Антип, рассказывал, как будто был очевидцем случившегося. Или даже участником. Старый, полуслепой, он любил посидеть летом на завалинке и языком потрепать был горазд. Про язык это уже баба Гарпина отмечала. Деда Антипа она на дух не переносила, и маленькой Ольге запрещала к нему приближаться. Но ведь интересно же! И вдвойне интересно, когда речь идет про усадьбу и все, что в ней приключилось. Потому Ольга бабу Гарпину не слушала, а вот деда Антипа очень даже наоборот. И то, что он рассказывал теплыми летними вечерами, не забыла. Может потому, что о рассказах этих баба Гарпина так и не проведала, не смогла стереть из Ольгиной памяти? Или потому, что рассказы были такими яркими, такими страшными, что их еще попробуй забыть?

– …Я малой тогда был, – сипел дед Антип, пыхая самокруткой. У самокрутки был такой ядреный запах, что у слушателей слезились глаза. – Ну, не такой малой, как вы, – он обводил детвору подслеповатым взглядом, – постарше на пару годков. Но помню все, как будто оно вчера приключилось.

И они хором спрашивали, а что же там такое приключилось в усадьбе Гремучий ручей?! Спрашивали, хоть и слышали эту страшную сказку уже много раз.

– Когда усадьбу только строить начали, все дивились: кому нужен дом в такой глуши! Низко, затишно, от цивилизации далеко. – Слово «цивилизация» дед Антип произносил медленно, по слогам, будто пробовал на вкус.

От цивилизации усадьба и в самом деле была далековато. Хотя, это смотря, что считать цивилизацией. Если их село Видово, так и не особо. Час неспешным ходом – разве ж это далеко? А вот если за цивилизацию взять город, так уже и далековато. Пешком, дай бог, чтобы за день добраться.

А про глушь неправда! Дом заложили в самой нижней точке лощины, на берегу небольшого водоема, который получился после запруды того самого Гремучего ручья, что впоследствии дал название всей усадьбе. Сама лощина тоже называлась Гремучей. Почему? Ответить на этот вопрос никто из взрослых не мог. Рассказывали про особенный шум ветра в кронах деревьев. А еще про ручей, больше похожий на неглубокую речушку, который, петляя по склонам лощины, срывался вниз маленьким, но звонким водопадом. В общем, версии были разные, и никого особо не интересовало, какая из них верная.

Как бы то ни было, а дом на дне лощины вывели быстро. Строили не свои, а приезжие. Неприветливые, дикого вида чужаки. С местными они не общались, жили там же, на стройке, а как только работы по дому были завершены, исчезли в одночасье.

– Как сквозь землю провалились, – сказал дед Антип, пыхая самокруткой, а потом, хитро сощурившись, добавил: – Или еще что похуже.

Они тут же спросили, что похуже, а он лишь многозначительно пошевелил кустистыми бровями, оставляя слушателям право самим додумать эту часть истории. И они додумывали. Особенно Ольга! Иногда она додумывалась до того, что приходилось спать со свечкой. И это еще до того, как баба Гарпина велела ей вести тетрадку.

– А потом почти сразу приехали хозяева. Ну, про хозяев вы тут все наслышаны! Миллионер этот из столичных. И жена его то ли венгерская графиня, то ли австрийская. – Дед Антип щурился, словно припоминая, откуда точно родом была молодая графиня.

Сейчас Ольга знала доподлинно, откуда, а тогда всякий раз сердце замирало в надежде услышать что-нибудь новенькое, что-нибудь особенное. И дед Антип не подводил. Иногда «графья» становились баронами, а иногда и вовсе беспородными помещиками. Беспородными, но очень богатыми!

А как же иначе?! Как без огромных деньжищ-то управиться, превратить дикую, непролазную Гремучую лощину в эдемский сад?! Как построить этакую домину, мало чем отличающуюся от дворца?! Никто из них никогда не видел настоящих дворцов, поэтому верили деду Антипу на слово. Усадьба Гремучий ручей и в самом деле выглядела необычно, даже вызывающе для здешних мест. И не понять, что теперь называть глухоманью: ее или ее окрестности. Так было раньше, в давние времена. До того, как приключилось то несчастье. Иногда дед Антип называл произошедшее вот так деликатно – несчастьем, но чаще – чертовщиной! Конечно, детям было интереснее про чертовщину! Интереснее, и страшнее.

– Сначала-то наши деревенские обрадовались! Экое развлечение: усадьба, иноземцы. Для нас же тут иноземцы были в диковинку. Кому просто любопытно было, а кто рассчитывал найти работу в Гремучем ручье. Это ж домина какая! – Дед Антип закатывал к небу полуслепые глаза, щурился на солнце. – А вокруг домины – парк. А рядом – пруд. И за всем этим добром присмотр нужен. Только вот зря надеялись! – На этом месте рассказа голос деда становился суровым и осуждающим, как будто он и сам был из числа тех, кто надеялся. Как будто его тоже обманули залетные иноземцы.

– Со всей челядью переехали! Никогошеньки из Видова на работу не наняли. Даже садовник у них был свой. Садовник! Кому нужны эти садовники и сады, когда кругом столько лесу!

Вот тут Ольга с ним никогда не соглашалась. Лес – это одно, а парк на дне Гремучей лощины – это совсем другое! Удивительное место с павильонами, диковинными статуями, с розовыми кустами, с прудиком. За всем этим непременно нужен уход, чтобы поддерживать в порядке этакую красоту. Вот только красота в Гремучей лощине жила недолго, порушили красоту…

– А еще все думали, что в усадьбу нашенские помещики станут ездить. Балы устраивать, и эти… – Дед Антип прищелкнул заскорузлыми пальцами, – фейерверки! Бесовская забава, сказать по правде. Ну ее! Да только не принимали эти басурмане наших господ. Хозяин, Дмитрий Дмитриевич Радич,

всем рассказывал, что его молодая супруга хворает, и тревожить ее ни в коем случае нельзя. Они, дескать, потому в Гремучей лощине и поселились, что тут условия какие-то особенные, сильно способствующие избавлению от всяких хворей. Уж не знаю, поверили ли наши господа этому залетному выскочке, но навязываться не стали.

Это дед Антип говорил с какой-то непонятной гордостью за здешних господ.

– Однако ж сами про гостеприимство не забывали, соседей к себе приглашали. Особливо господ из городских. Эти, видать, не такие гордые были. Или чужие деньжищи им глаза застили? – В этом месте дед Антип принимался сворачивать новую самокрутку, а слушатели терпеливо ждали продолжения истории, хоть и знали ее наизусть.

…Вспоминать те славные времена было приятно. Словно Ольга снова вернулась в детство. Даже идти стало легче, и колени не отзывались болью на каждый шаг. Как же давно она не бывала в усадьбе? Если подумать хорошенько, то с полвека. Не было у нее в том особой нужды. Разве что в молодости, когда еще была жива баба Гарпина, а в ней самой кипел этот юношеский интерес ко всему загадочному и непознанному. А потом что же? А потом баба Гарпина потянула за невидимую петельку и велела забыть. Вот она и забыла. На многие годы. Тогда забыла, а сейчас начинает вспоминать.

Странно так, будто из глубокого сна выныриваешь и никак не можешь разобраться, где еще сон, а где уже явь. Вот эта мощеная красной брусчаткой дорога – это точно явь. До нее Ольга и раньше доходила по каким-то своим учительским делам. Тут и школа недалеко, а в школе прошла, считай, вся ее жизнь. Так уж вышло, что вот эта красная, точно кровью залитая дорожка сделалась для нее границей, которую она долгие годы не решалась переступить, а теперь вот переступила.

Сердце на мгновение перестало биться. Подумалось вдруг, что и не станет больше, что смерть ее будет наказанием за ослушание, за нарушение границ. Но ничего, сердце дрогнуло и пустилось вскачь сразу, как только граница из красной брусчатки осталась позади. Дальше пришлось идти по грунтовке, больше похожей на широкую тропу, но Ольга знала доподлинно, что этой дорогой пользуются так же часто, как и в мирные времена. Если не чаще, потому что Отто фон Клейст, тот самый фашистский вервольф, не захотел жить в Видове, устроил свое логово в Гремучем ручье. Почему? Может, чувствовал

темную ауру этого места? Или ему просто нравилось жить в таком доме?

После пожара, случившегося еще в царские времена, усадьба долго стояла в руинах. Ну, не совсем в руинах, дотла сгорела только часовня, да повредило огнем восточное крыло, а основное здание почти не пострадало. Его, конечно, разграбили, разорили и вынесли все, что можно было успеть вынести до приезда полиции. Вынесли бы и больше, но полиция сработала неожиданно споро, разъяренных мужиков оттеснили за границы усадьбы, кое-кого даже ранили. Потом еще долго велись всякие разбирательства, приезжали следователи, оценщики и журналисты из города. Какой-то неведомый меценат или кто-то из дальних родственников хозяев попытался усадьбу восстановить. Получилось хорошо, ничуть не хуже первоначального варианта, только с тех пор в Гремучем ручье подолгу никто не жил, а когда случилась революция, усадьба перешла органам Советской власти. Но и тогда не сложилось. Здание пытались использовать по-разному, но в силу его отдаленности от той самой цивилизации, получалось это не очень хорошо. Да и слава за Гремучим ручьем у местных закрепилась дурная. Никто толком ничего не знал и не помнил, а вот поди ж ты! Не было жизни в Гремучей лощине, эдемский сад медленно, но верно дичал, пока не перестал отличаться от наступающего со всех сторон леса. И только перед самой войной жизнь, кажется, начала сюда возвращаться. Все благодаря источнику с минеральной водой, который открыли недалеко от усадьбы. Ну как открыли? Был он здесь всегда, и вода в нем была красноватая, солоноватая, вкусом похожая на кровь. Местные эту воду никогда не пили, а сам источник обходили седьмой дорогой. До тех пор, как какой-то ученый из области, снимавший в Видове на лето дачу, не решил взять пробы. Вода оказалась целебной, насыщенной железом и еще десятком других минералов. И местность вокруг него оказалась располагающей для отдыха и оздоровления советских граждан. Дом взялись реставрировать и даже успели отремонтировать восточное крыло.

А потом началась война, которая порушила все людские планы, а самих людей разметала как фигурки на шахматной доске. Но Гремучий ручей пустовал недолго, чем-то он приглянулся бригаденфюреру СС Отто фон Клейсту. Он поселился в усадьбе и жил с максимальным комфортом. Ольга своими глазами видела грузовики с мебелью, что осторожно ползли по дороге в сторону лощины. Слышала, как собирали весь этот скарб в райцентре. Нет, не собирали – отбирали, заявляли свои права на все, что нравилось, на все, что радовало глаз Отто фон Клейста. Он верил, что эта война не продлится долго, и, кажется, не собирался возвращаться в Германию. Ему нравилась Гремучая лощина, ему нравился Гремучий ручей. Но, чтобы жить так, как он привык, нужны были слуги.

Все, как в прежние времена! Нужна была челядь для ухода за домом и парком, который по приказу фон Клейста уже начали приводить в порядок.

Челядь набирали из людей, мало-мальски знающих немецкий, проверяли на предмет связей и прошлого. Вот потому, что проверяли, Ольге и пришлось потянуть за невидимую петельку. Да не единожды. Не была она лояльной и добропорядочной с точки зрения нового режима. Погибшие на фронте дочь и зять – лучшее тому подтверждение. Но она была из тех, кого называют интеллигенцией. Так уж повелось, особенно после ее возвращения из Москвы. А еще она знала немецкий язык. Может, не в совершенстве, но очень хорошо. Не зря всю жизнь проработала учительницей иностранных языков. Фон Клейст таких привечал. Он был тонким ценителем искусства, архитектуры и всего прекрасного. Может, потому и вцепился, как клещ, в усадьбу. Вряд ли была у него другая причина.

Попасть в лощину со стороны Видова можно было двумя путями: по узкой и довольно крутой тропе и по пологой, петляющей по склону дороге. Тропой пользовались пешие, по дороге ездили автомобили. Была она раза в три длиннее тропы, но Ольга выбрала ее из-за больных коленей. Не тот у нее уже возраст, чтобы козочкой скакать. Да и куда спешить? Будет время, чтобы осмотреться, вспомнить то, что забылось, еще раз все хорошенько обдумать. Ну и сил подкопить. Тех самых сил, которые достались ей от бабы Гарпины. В Гремучий ручей без личного разрешения Отто фон Клейста ей не попасть. Значит, нужно получить разрешение.

Она медленно шла по дороге, обходила прихваченные льдом лужи, смотрела во все глаза. Мир вокруг менялся с каждым шагом. Сначала к дороге подступали старые вязы, в их изножье вольготно раскинулись непролазные заросли орешника. Когда-то давно орешник был высажен специально, как живая изгородь. За ним ухаживали, его стригли несколько раз в год, придавая красивую форму и сдерживая буйный рост, а потом ухаживать за ним стало некому, и всего за десяток лет получились вот эти джунгли. Скоро среди вязов стали появляться липы и клены. Это все еще было царство Флоры, но и рука человека тут уже чувствовалась. Чем дальше шла Ольга по дороге, тем тише становилось вокруг. Ветер, который уже вторые сутки буйствовал в Видове, застревал в сетях ветвей, не мог прорваться вниз, в лощину. И солнечный свет тоже проходил словно сквозь тончайшую вуаль, поэтому окружающее виделось размытым и не слишком четким. И причиной тому было не ослабевшее с годами зрение. В Гремучей лощине так было всегда, сколько Ольга себя помнила. Тише,

темнее, загадочнее. Именно загадочнее. Спустя годы ее восприятие Гремучей лощины не изменилось. Это было особенное место, понять и полюбить которое мог далеко не всякий человек. Даже время здесь, казалось, текло по-другому, и сезоны сменяли друг друга неспешнее, чем там, наверху. Весна наступала тут на несколько недель позже, но и лето задерживалось подольше. Летом здесь было теплее и тише, чем в окрестностях. Летом Гремучая лощина становилась прибежищем туманов. Туманы наползали со стороны леса, стелились по поверхности воды, укутывали влажным пологом деревья и кустарники, задерживались иногда до самого обеда, затем исчезали, чтобы на закате появиться вновь.

А дорога тем временем пересекла невидимую, но все равно ощутимую границу между лесом диким и лесом рукотворным. Границу эту охраняла безголовая статуя. Когда-то во времена Ольгиного детства у статуи была голова. Страшная, рогатая, пучеглазая, с вертикальными зрачками. Когда-то этот мраморный инвалид был Фавном, стоящим на входе в эдемский сад. А сейчас от Фавна осталось лишь нескладное туловище, да ноги с копытами. Остались от козлика рожки да ножки… Голову отбили уже после революции. Куда она подевалась, никто не помнил. Может, какой рачительный хозяин забрал к себе домой для какой-то своей надобности, а может, до сих пор валяется она где-то на дне одного из здешних оврагов.

Следом за Фавном то тут, то там стали появляться нимфы. Нимфам тоже досталось, Ольга не увидела ни одной без повреждений. То рука, то нога, то грудь… Призрачная армия мраморных уродцев. Когда-то давно они были призваны украшать парк, но вышло так, что теперь они лишь пугают. Выглядывают из-за деревьев, как живые, следят слепыми глазницами, шепчут…

Нет, это не шепот. Это тот самый феномен Гремучей лощины. Здесь, почти на самом дне, звуки меняются, трансформируются во что-то новое, словно отдаленное, едва различимое эхо. Будь на деревьях листья, Ольга сказала бы, что это ветер шумит высоко в кронах. Но листьев не было, а звуки все равно доносились. Или это ручей? Он ведь где-то совсем близко, идет параллельно дороге, несет свои ледяные воды к усадьбе, чтобы упереться в небольшую плотину и превратиться в пруд. Отсюда, с дороги, его не видно, но он точно где-то поблизости. Ольге даже стало казаться, что она чувствует запах воды, хотя быть такого не могло, наверняка, Гремучий ручей еще закован в лед. Вот через неделю, пожалуй, все возможно, а пока мерещится. Запах – призрак. Такой же призрак, как и этот похожий на эхо звук, как нимфы, следящие за каждым твоим

шагом.

Над головой сипло гаркнул ворон, и Ольга вздрогнула от неожиданности. Оказывается, она уже успела отвыкнуть от громких звуков. Ворон, черный, как сажа, сорвался с ветки, и на Ольгу просыпались ледяные капли. Вот и капель, подумалось без былой радости. Раньше капель означала начало весны, пробуждение всего живого, но этой страшной весной, живое предпочитало притвориться мертвым. Может, подцепило заразу от чужеземцев? Или просто испугалось?

А дорога тем временем перестала петлять и превратилась в прямую, как стрела, подъездную аллею. Сердце ускорило свой бег, а Ольга невольно прибавила шагу. За аллеей явно ухаживали, на вековых деревьях кое-где были видны следы от спиленных старых веток, тщательно замазанные садовым варом. Идущая параллельно аллее парковая дорожка была очищена, вдоль нее стояли скамейки на витых чугунных ножках. Скамейки эти Ольга видела в городе. Значит, и они приглянулись нынешнему хозяину Гремучего ручья. Настолько приглянулись, что он не пожалел ни сил, ни времени, чтобы привезти их в усадьбу. А еще это значило другое: Отто фон Клейст имел вес. Веса этого запросто хватало на такие вот капризы и на то, чтобы заполучить Гремучий ручей в свое полное владение.

Аллея уперлась в украшенные геральдическими вензелями кованые ворота. Ворота были такими большими и такими тяжелыми, что ни вандалы, ни ветра перемен ничего не смогли с ними сделать. Впрочем, как и с окружающим усадьбу забором. Просто раньше ворота были распахнуты настежь, а сейчас заперты и охранялись двумя эсэсовцами с автоматами. А еще двумя черными, с рыжими подпалинами, псами. Оказывается, вервольфы любят волкодавов. Какая ирония…

На Ольгу эсэсовцы уставились недобрыми взглядами, а дула их автоматов многозначительно глядели прямо ей в живот.

С двумя сразу она не справится. Да ей и без надобности, у нее есть выписанный в комендатуре пропуск.

Она так и сказала на чистейшем, почти литературном немецком языке, чем повергла эсэсовцев в легкое замешательство.

– Я могу показать. Вы позволите? – Ольга выставила вперед сумочку, словно защищаясь от направленных на нее автоматов.

Охранники переглянулись, а потом синхронно кивнули. Их псы так же синхронно мотнули мордами. Наверняка, по ночам эти черные звери патрулируют территорию усадьбы. Отто фон Клейст печется о своей безопасности. Ну что ж, у него есть на то причины. Но ведь он не знает, кого его волкодавы только что пропустили на территорию. Нет, в ней нет ни силы, ни яростной веры тех, кто ушел в партизаны и подполье. Она простая, стареющая женщина. Не нужно себе льстить – старая женщина. Старая, с виду совершенно безопасная. Но она знает то, что может изменить ход истории. Не всей истории, к сожалению, но вот этой конкретной. А еще у нее есть ящик Пандоры. Она еще не решила окончательно, стоит ли его открывать. Да что там! Она даже не уверена в его существовании! Но ради Танюшки Ольга пойдет до конца. Каким бы ни был этот конец. И когда она остановится у последней черты, рядом с ней будет стоять очень много этих… волкодавов. Уж она постарается.

Пропуск проверяли со всей тщательностью. Пока проверяли, Ольга стояла смирно, продолжала прикрываться дамской сумочкой, поправляя поля фетровой шляпы. Да, она нарядилась. Сейчас даже самый внимательный наблюдатель не признал бы в ней испуганную старуху с площади перед эшафотом. Хорошие вещи способны изменить облик женщины до неузнаваемости. А у Ольги были хорошие вещи. Так уж вышло, что проблем с деньгами не имела ни баба Гарпина, ни она со своими девочками. И на жизнь кое-что осталось. На жизни нескольких поколений, если уж быть до конца честной. Откуда это все, Ольга не знала, но надеялась вспомнить. С каждым часом память подсовывала ей все больше и больше воспоминаний, а голос бабы Гарпины звучал в голове все глуше и глуше. Она еще подсказывала, наставляла, но чувствовалось, что это ненадолго, что очень скоро она покинет Ольгу навсегда, и придется самостоятельно принимать нелегкие решения. И придется становиться для Танюшки той, кем была для нее баба Гарпина.

– Идите к дому. Вас ждут, – сказал один из волкодавов, возвращая ей пропуск. Взгляд его не то чтобы смягчился, но сделался не столь подозрительным. Начало положено…

А за воротами начинался настоящий эдем. Пока еще по-мартовски скупой на тепло и солнце, но уже ухоженный, очеловеченный. Изящные изгибы очищенных от снега дорожек, аккуратно подстриженные кусты, отключенный по случаю

зимы фонтан перед домом, который Ольга, оказывается, тоже почти забыла. Было в этом доме что-то нездешнее – и в архитектурном смысле, и вообще. То ли дом, то ли замок. Но не тяжеловесный, толстостенный, призванный охранять покой своих хозяев, а изящный, стремящийся вверх к пока еще низкому мартовскому небу. Не чистая готика, но что-то близкое, чуждое тому, к чему привыкло местное население. Оттого, наверное, и относились к усадьбе всегда с опаской. Или не только от этого, но проще думать, что причина – в архитектуре, а не в событиях, что происходили тут много лет назад. Вот оно – восточное крыло. Следы огня уже почти не заметны на каменных стенах. Если только знать, куда смотреть. Если только приглядываться. Дом, словно живой организм, затянул раны, нарастил новую каменную шкуру и сейчас подозрительно следил за Ольгой несколькими десятками окон.

А она вспомнила! Она помнила и вот эту, увитую девичьим виноградом стену, которая по осени полыхала огненно-красным, и вот это широкое крыльцо в три ступени. И клумбу-розарий перед парадным входом. Розы давно вымерзли без должного ухода и укрытия, а те, что не вымерзли, одичали и измельчали. Сам дом тоже одичал и затаился, словно не доверял новому хозяину. А может и не доверял. Он столько всего пережил, столько вынес – этот удивительный дом! Может, ему было лучше одному, без назойливого внимания людей?

Ольга остановилась перед дубовой дверью, протянула руку к медному кольцу, но постучать не успела. Дверь открылась сама. С той стороны стояла старуха. Ольга и себя-то давно не считала девочкой, но женщина, кутающаяся в пуховую шаль, была именно старухой – сухой, сморщенной, со строгим пучком седых волос и горделивой осанкой. Чего ей стоило держать спину прямой, Ольга понимала. Одна лишь эта сила воли вызывала уважение.

– Вы к Отто? – спросила старуха на немецком, словно была уверена, что Ольга должна понимать этот язык. И по тому, как по-свойски она называла фон Клейста по имени, становилось понятно, что она не простая прислуга, что она на ступеньку выше. А то и на несколько ступенек.

– Здравствуйте! – Ольга поздоровалась, попыталась улыбнуться, но не смогла. Слишком уж внимательным, слишком острым был взгляд старухи. – Да, я к господину Отто фон Клейсту. У меня есть пропуск. – Она потянулась к сумочке, но старуха нетерпеливо махнула рукой и сказала, продолжая сверлить Ольгу взглядом:

– Не нужно. Если вы прошли контроль…

Как это беспечно со стороны старухи! Да, Ольга прошла контроль, но ее не обыскали. Лишь осмотрели сумочку. При большом желании оружие можно спрятать в одежде.

В темноте за спиной старухи вспыхнули две пары глаз, а потом Ольга увидела псов. Крупных, поджарых, остромордых – опасных. Псы безмолвно оскалились, а старуха положила ладони им на головы и ласково сказала:

– Деймос, Фобос! Спокойно, мальчики.

Да, оружие бы не помогло. По крайней мере, холодное. Наверное, и пистолетом Ольга не успела бы воспользоваться.

– Интересные клички. – Ольга все-таки нашла в себе силы, чтобы вежливо улыбнуться. Она не боялась собак. Ни сейчас, ни в детстве. Она вообще мало чего боялась после рассказов бабы Гарпины. Все самое страшное осталось там, в рассказах. А жизнь – это всего лишь жизнь. Так ей думалось до тех пор, пока не началась война…

– Вам так кажется? – А старуха не улыбалась и впускать Ольгу в дом не спешила.

– Фобос и Деймос… – Ольга пожала плечами. – Это очень… тонко.

Она сомневалась, что эту старуху можно пронять банальной лестью, но клички и в самом деле были такие… со смыслом, очень подходящие этим черным псам.

– Есть еще Гармония, она сейчас с Отто. Проходите в дом. Кстати, как вас зовут?

Ольга перешагнула порог, представилась.

– Можете звать меня фрау Ирма. Если Отто решит вас оставить. – В том, что сказала старуха, не было ни насмешки, ни презрения – простая констатация факта. Ольгу могут оставить в Гремучем ручье, могут вышвырнуть за дверь, а могут скормить мифической четвероногой тройке: Деймосу, Фобосу и Гармонии[1 - Фобос (др. греч. «страх»), Деймос (др. греч. «ужас»), Гармония – в

древнегреческой мифологии одни из детей богини любви Афродиты и бога войны Ареса. Фобос и Деймос, согласно мифологии, сопровождали Ареса на полях сражений.]. – Следуйте за мной и постарайтесь не делать резких движений. Мальчики этого не любят.

Мальчики следили за Ольгой такими же внимательными взглядами, как и фрау Ирма, но, в отличие от старухи, были готовы в любой момент ринуться в атаку. Справилась бы с ними Ольга? Она не знала, поскольку не задумывалась, сработают ли ее способности на зверях. Нужно будет как-нибудь проверить. Если фон Клейст решит оставить ее в Гремучем ручье.

Вслед за старухой Ольга пересекла просторный и гулкий холл, который не успела толком рассмотреть, поднялась по дубовой лестнице на второй этаж, свернула в узкий и слабо освещенный коридор. Коридор вел в западное, отреставрированное еще до войны крыло. Эхо их шагов гасила толстая ковровая дорожка, в сумраке коридора казалось, что фрау Ирма не идет, а скользит по ней, не касаясь ногами пола. Или это не из-за сумрака, а из-за по-кошачьи плавных, выверенных движений? Порой старуха вовсе не казалась старухой. Со спины ее даже можно было принять за юную девушку.

Они остановились перед плотно запертой дверью. Прежде, чем войти, фрау Ирма постучала. Но это был короткий формальный стук, не предполагающий ответа. Теперь по иерархической лестнице она поднялась еще на пару ступеней. Не прислуга. Точно не прислуга.

В комнате за дверью царил полумрак. Тусклый свет просачивался в нее сквозь плотную тюлевую кисею, слабо освещая помещение и почти не освещая дальние углы. Зато человек, сидящий за письменным столом, находился в ярком пятне света от настольной лампы. Желтый свет ложился на его лицо причудливыми мазками, от чего лицо напоминало безжизненную маску. Там, на площади, Ольга не могла разглядеть Отто фон Клейста как следует, даже возраста его не могла определить. Впрочем, даже сейчас она не могла сказать доподлинно, сколько лет сидящему за столом мужчине. С одинаковым успехом ему могло быть и сорок, и шестьдесят. Волосы его были черными, без единого седого волоса, а глаза за стеклами круглых очков светлыми. Губы под полоской аккуратно подстриженных усиков были сжаты в тонкую линию. От этого казалось, что Отто фон Клейст недоволен. Очень недоволен тем, что его потревожили. Или он был недоволен появлением Ольги?

– Что такое, Ирма? – Тонкие губы разжались и сложились в подобие улыбки. Отто фон Клейст привстал из-за своего стола. Он привстал, а лежащая у его ног черная, остроухая собака вскочила на лапы. Та самая Гармония, сестрица Фобоса и Деймоса. Она тоже не рычала, просто молча скалилась, просто сверлила Ольгу взглядом, готовая по первому приказу хозяина разорвать ей глотку. – Кто это с тобой?

– Это фрау Хельга.

Вот как ее представили. Не какая-то русская из деревни, а фрау Хельга. Наверное, это означало, что старуха решила дать Ольге шанс. Старуха решила, а вот как насчет фон Клейста?

– Пришла наниматься на работу помощницей по дому. – тем временем добавила старуха.

– Она слишком стара для такой работы. – Фон Клейст окинул Ольгу быстрым, равнодушным взглядом.

– Я еще старше, Отто. – Старуха усмехнулась. – И мне нужна помощница. К тому же, фрау Хельга отлично говорит по-немецки.

– Правда? – Черные брови фон Клейста слегка приподнялись. – Ну, скажите мне что-нибудь, фрау Хельга. – это прозвучало насмешливо, но Ольга была готова. Ей бы еще подойти к нему поближе. Настолько близко, чтобы заглянуть за тонкую преграду очков, чтобы нащупать петельку.

– Я всю жизнь проработала учителем немецкого языка, господин фон Клейст. – Когда Ольга заговорила, голос ее не дрожал. Такие… вервольфы чуют страх на расстоянии. Она не должна бояться. Да ей и не страшно. – Я люблю этот язык.

Любит. Хоть и полюбила не сразу. Певучий итальянский поначалу нравился ей куда больше. Но все же немецкий она предпочитала французскому. Да, ей легко давались языки. Так уж был устроен ее мозг и память.

Наверное, у нее получилось, потому что Отто фон Клейст кивнул, опустился обратно в кресло, сказал:

– Вы производите впечатление, фрау… – Он прищелкнул пальцами, словно вспоминая. Ольга молчала, дожидалась, когда он решит, что она достойна того, чтобы он помнил ее имя. Это такая игра. Она принимает ее правила. Пока принимает. Подойти бы поближе…

– Хельга. Ее зовут Хельга, Отто! – У фрау Ирмы были свои правила игры, и не было Ольгиного терпения. – Так что ты решил? Она подходит?

Прежде, чем ответить, фон Клейст поманил Ольгу пальцем. Это хорошо. Она ждала этого.

Ольга двигалась медленно, а за ее спиной так же медленно двигались псы.

– Знание немецкого языка – это очень похвально. – Фон Клейст уперся локтями в обтянутую зеленым сукном столешницу. – А любовь к этому великому языку похвальнее вдвойне. Дайте-ка я на вас посмотрю…

Она тоже посмотрит. Пробьется через бликующее стекло очков, поищет петельку, а потом потянет. Чтобы уже наверняка…

…За бликами стекол не было ничего: ни глаз, ни петельки, ни души. Ольга рухнула в черный непроглядный омут и от черноты этой едва удержалась на ногах. Но удержалась. И даже лицо удержала. Ни одним мускулом не дрогнула, не показала степень своего изумления. А фон Клейст, кажется, тоже был озадачен. Когда Ольга поняла, что ничего не найдет на дне его глаз, эти глаза сделались самыми обычными, светло-голубыми в желтом свете настольной лампы. При свете дня они могут быть другими, случаются и такие метаморфозы.

– Ваш любимый немецкий писатель, фрау Хельга? – спросил вдруг фон Клейст.

– Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер, – сказала она без раздумий. Впрочем, не было у нее времени на раздумья.

– Вот, значит, как… – Фон Клейст усмехнулся. – Согласен, великий и очень разносторонний человек, но мне ближе братья Гримм. Я вырос на их чудесных сказках. – Он перевел взгляд на фрау Ирму, и та едва заметно кивнула. Уж не она ли читала ему эти чудесные сказки?

Ольга и сама их читала. В оригинале на немецком. Но читать их Танюшке она бы не стала. Неизвестно, чьи сказки страшнее: бабы Гарпины или братьев Гримм.

– Вы мне подходите, фрау Хельга. – Фон Клейст погладил поднырнувшую под его ладонь Гармонию. – Люблю образованных людей. Здесь, в дикой стране, это такая редкость!

Ольга стояла напротив него и думала о другом. Она думала о том, почему у нее ничего не вышло, и о том, что ей повезло, что фон Клейст решил нанять ее на работу. Сам решил. А еще ей было страшно. Почти так же страшно, как от сказок бабы Гарпины. Нет, пожалуй, даже страшнее.

– Но вы должны понимать, что спрос с вас будет высок, невзирая на ваш возраст. Это особое место. Долгое время оно было незаслуженно забыто, но я здесь для того, чтобы вернуть его к… – Нет, он не сказал «к жизни». Он ничего не сказал, оборвал себя на полуслове и снова посмотрел Ольге в глаза. На сей раз, она оказалась готова. В голове у нее звучала «Ода к радости» фон Шиллера. Этакий заградотряд из слов. Слова иногда имеют особу мощь, могут убить, но могут и защитить.

– А что конкретно вам нравится из Шиллера? – спросил фон Клейст и тут же добавил: – Погодите, не говорите! Дайте я угадаю! Вам нравится «Ода к радости», ведь так?

Как?.. Он не сумел пробиться через заградотряд из слов, но сумел почувствовать сами слова. Или все гораздо проще?

– Вы очень проницательны, господин фон Клейст.

– Быть проницательным – это мое… я бы сказал, маленькое хобби. Но и вы, фрау Хельга, полны загадок, как я посмотрю.

Куда он посмотрел? Как много смог увидеть? Наверное, не много, если решил взять ее на работу.

– Никаких загадок, господин фон Клейст. – Ольга улыбнулась сдержанной улыбкой. – Просто нельзя не любить «Оду к радости».

– Наверное. – Он кивнул и в тот же миг потерял к ней интерес. Ольга кожей почувствовала, как исчез тот невидимый щуп, что шарил у нее в мозгу. – На сегодня можете быть свободны. Ирма, займись остальным, мне нужно поработать. – Сказал и уткнулся в бумаги, что лежали перед ним на столе. Гармония легла у его ног, но продолжала следить за Ольгой.

– Следуйте за мной, – велела фрау Ирма и, больше не говоря ни слова, вышла из кабинета. Фобос и Деймос скользнули за ней черными тенями.

Они снова шли по темному коридору: фрау Ирма впереди, Ольга следом. Спустились по лестнице, прошли в маленький, скромного вида кабинет.

– Прошу – присаживайтесь. – Фрау Ирма указала на стул с высокой спинкой, а сама уселась за письменный стол. На столе царил идеальный порядок. Впрочем, как и в самом кабинете.

Фобос и Деймос остались у двери, и захочешь – не убежишь.

– Я рада, что Отто вас оставил, – сказала фрау Ирма, открывая изящного вида записную книжку. – Мне бывает тяжело.

Она не договорила, но Ольга и сама поняла, что речь сейчас не о загруженности, а о дефиците общения. Хотелось ли ей общаться с этой старухой? Нет! Но она будет. Будет общаться, будет улыбаться, даже пресмыкаться, если потребуется. Что угодно, лишь бы у нее появилась возможность беспрепятственно передвигаться по территории усадьбы.

– Ваш рабочий день будет начинаться в восемь часов утра и заканчиваться в семь вечера. – проговорила фрау Ирма. Помолчала, видимо, ожидая возражений, но Ольга возражать не стала.

– Как скажете. – лишь кивнула она.

– Каждое утро в усадьбу приезжает автомобиль с провизией. Я распоряжусь, чтобы по дороге водитель забирал вас на окраине поселка. Но возвращаться вам придется самой. Понимаете меня, фрау Хельга?

Ольга понимала. Спускаться в Гремучую лощину всяко легче, чем подниматься из нее. Бедные ее ноги…

– Да, меня все устраивает.

– Устраивает… – Фрау Ирма хмыкнула. – Редкое качество по нынешним временам.

Ольга ничего не ответила, да от нее и не ждали ответа. Дальше был по-армейски четкий и быстрый инструктаж, а потом такая же быстрая экскурсия по дому.

– Каждый день я буду обозначать для вас фронт работ. Дел в таком большом доме всегда много, а люди ленивы и нерасторопны.

Ольга не знала, о каких людях говорит старуха. За все время ее пребывания в поместье она не видела никого, кроме фон Клейста, фрау Ирмы и автоматчиков на воротах.

– Если будете работать хорошо, помимо жалования получите паек. Я слышала, у местного населения с этим есть определенные трудности.

Трудности были. По большей части из-за того, что не осталось ни одного дома, который бы не разграбили оккупанты. А еще от того, что в поселке почти не осталось мужчин. Старики и малые дети не в счет.

– Я буду вам очень признательна, фару Ирма.

– Пока не благодарите, – отмахнулась старуха. – Я еще не видела, как вы работаете. Попасть в Гремучий ручей тяжело, но гораздо тяжелее здесь задержаться. Вы должны это понимать. Хоть я и скучаю по родной речи, ваше знание языка не может служить гарантией.

– Я понимаю. – Ольга кивнула.

– Хорошо. – Фрау Ирма посмотрела на нее из-под полуопущенных век. – Подождите в холле, вам вынесут пропуск. И прошу вас, не опаздывайте.

Пунктуальность – это половина успеха.

Ждать Ольге пришлось недолго. Похоже, фрау Ирма в вопросах пунктуальности была строга к себе так же, как и к другим. Молодой солдат протянул Ольге пропуск, сказал, глядя не на нее, а прямо перед собой:

– Следуйте за мной. Я провожу вас до ворот.

Полной грудью Ольга вздохнула, лишь оказавшись за территорией усадьбы. Тут же разнылись спина и колени. Ничего. Она справится. Начало положено.

Путь домой показался ей длиннее в два раза. Наверное, из-за того, что дорога все время шла в гору. Несколько раз Ольга останавливалась, чтобы передохнуть. Пока стояла, прислушивалась к голосу лощины. Своя она тут или чужая? Рад ли ей этот не то лес, не то парк? Принял ли ее старый дом? Готовы ли мраморные нимфы смириться с тем, что она каждый день будет проходить мимо них? Скоро она получит ответы на свои вопросы, а пока нужно двигаться дальше.

* * *

Дома было тепло, пахло печеной картошкой и травяным чаем. С продовольствием у них и в самом деле было плохо, на остатках картошки, круп и муки им нужно было как-то дотянуть до лета. Летом станет полегче, летом в лесу появятся грибы и ягоды. Да и в огороде можно будет вырастить какую-никакую зелень. А пока приходится экономить, жить впроголодь и надеяться на унизительные подачки от немцев. Если ей еще удастся заработать эти подачки.

– Бабушка, ты? – на звук открывшейся двери из комнаты вышла Танюшка. Она зябко куталась в вязаную кофту. Худенькая, высокая, большеглазая… Девочка с ледяными ладошками и горячим сердцем.

– Я, Татьяна. – Стараясь не морщиться от боли, Ольга присела на скамью, принялась разуваться. – Как ты тут?

– А как ты… там? – Внучка смотрела на нее без злости, скорее, с недоумением. Все никак не могла понять, почему Ольга решилась на такой поступок.

– С завтрашнего дня выхожу на работу. – Вслед за ботинками Ольга сняла пальто и шляпу. Пошевелила затекшими пальцами на ногах. Отвыкла она от каблуков. Отвыкла, но придется привыкать снова. До усадьбы можно добираться и в чем-то более удобном, а переобуваться уже на подступах. Почему-то ей казалось, что внешний вид очень важен для тех, кто принял ее на работу. Почти так же важен, как и ее безупречный немецкий. Ну что ж, она потерпит. – Туда буду добираться на фуражной машине, обратно своим ходом.

– Бабушка, ну зачем?.. – Танюшка переставила ее ботинки поближе к печке. – Это же нелюди, бабушка.

– Я знаю. – Ольга погладила внучку по волосам. – Нелюди и враги. Но, Татьяна, иногда лучше быть как можно ближе к врагу.

– Зачем? – внучка смотрела на нее с осуждающим недоумением.

– Затем, чтобы знать наперед, что он захочет предпринять.

– Бабушка, ты меня прости, – Танюшка пристроила ее пальто на вешалку, – но какая из тебя подпольщица? А люди будут говорить…

– Люди всегда говорят! – Ольга оборвала внучку. – Человеческой натуре это свойственно. Но умный человек всегда может определить, где правда, а где пустые сплетни.

На самом деле не всегда, но Танюшке об этом знать не нужно.

Они уже пили чай, когда в сумраке за окошком мелькнула какая-то тень, а через пару секунд в дверь торопливо, но настойчиво постучали. Ольга знала этот стук. Танюшка тоже, поэтому и не стала спрашивать, кто там, а сразу впустила нежданного гостя в дом.

Впрочем, не гостя, а гостью – соседку Зосю Куликову. До войны Зося работала в школе уборщицей, большим умом не отличалась, но была прилежной и исполнительной. Она в одиночку растила сына, балбеса и хулигана Митьку, при случае всем и каждому жаловалась на свою нелегкую бабью долю, даже умела весьма натуралистично расплакаться в нужный момент. Не сказать, что Зосю так

уж ценили, но жалели. И балбеса Митьку тоже жалели, тянули из класса в класс, хоть и было очевидно, что к наукам он не расположен, ни умом, ни прилежанием не отмечен, а хулиган, каких еще поискать. Митька учился с Танюшкой в одном классе, с раннего детства очень не любил ее и задирал. Повлиять на него не могли ни отповеди директора, ни мокрое полотенце, которым регулярно перетягивала его Зося. Такой уж он уродился. К материнской, граничащей с легким слабоумием простоте добавлялась безрассудная удаль отца, который больше времени проводил в тюрьмах, чем возле жены и ребенка. Гриня Куликов был вором-рецидивистом, а еще романтиком. Из тюрьмы он слал неграмотной Зосе длинные и витиеватые письма, которые ей зачитывал кто-нибудь из учителей. Бывало, и Ольге доводилось приобщиться. Письма прекратились сразу после начала войны. Зося все еще надеялась на чудо, верила, что ее любимый Гринечка вернется. Только она одна и надеялась, потому что тюрьму, в которой сидел Григорий, разбомбили в первые же дни оккупации.

Зося шмыгнула в дом, прижалась спиной к двери, уставилась на Ольгу с Танюшкой совершенно безумным взглядом. По ее круглому простоватому лицу градом катились слезы. Сердце сжалось. Не было нынче в Видове хороших новостей.

– Зося, что?.. – Ольга взяла соседку за плечи, легонько встряхнула. – Что случилось?

Она не отвечала, плакала, мычала что-то невразумительное, икала…

– Тетя Зося, выпейте! – Танюшка сунулась к ней с чашкой травяного чая. Как будто чай мог унять то отчаяние, что рвало на части эту несчастную.

– Пойдем-ка присядем. – Ольга потянула вялую, несопротивляющуюся Зосю в комнату, силой усадила за стол, велела: – Рассказывай!

Зося вздрогнула, словно от пощечины, перестала голосить, утерла мокрое лицо рукавом телогрейки.

– Забрали… – сказала шепотом. – Митеньку забрали.

– Кто? – ахнула Танюшка. Она не любила Митеньку, но в этот самый момент забыла об их давней вражде.

Да, кому мог понадобиться балбес и хулиган Митька Куликов, вред от которого исчислялся разве что разбитыми в поселке окнами да килограммами украденных в колхозном саду яблок?

– Я не знаю… – Зося таращила красные от слез глаза, шмыгала носом.

– Погоди, – Ольга придвинула к ней травяной чай. – Погоди, Зося! Тогда откуда ты знаешь, что его забрали?

– Откуда знаю? – Зося обхватила чашку обеими руками, вцепилась в нее так, что побелели костяшки пальцев. – А оттуда! – сказала и громко икнула. – Домой он не пришел. Вот откуда!

Ольга глянула на настенные часы – десять часов пятнадцать минут. Да, уже поздно, но когда такие мелочи останавливали Митьку? Однажды он и из дому сбегал. На перекладных добрался аж до областного центра, решил навестить папеньку. Там его и поймали. Ольге с директором пришлось за ним ехать, потому что Зося слегла от переживаний. Вот и сейчас уже почти готова слечь…

– Вернется, не реви, – сказала Ольга строго. Она знала, что люди удивительным образом реагируют на такой вот строгий тон. Большинство из них приходит в чувство.

Зося не пришла, лишь придвинула к себе чашку и тоненько завыла.

– Он знает… что нельзя… – В вое иногда удавалось разобрать слова. – Он же висельников… висельников видел… Я его специально побила, чтобы не лазил… где попало не лазил чтобы… Им же без разницы, Митенька это мой или партизан… Они ж сразу стрелять начнут… Я сама слышала, как Мишаня рассказывал, что приказ есть стрелять по партизанам… Особливо, если не отзываются и убегают… А Митенька ж он всегда убегает… Он же такой у меня быстрый… – Вой сделался громче, остальные слова в нем потонули.

– Выстрелы слышала? – спросила Ольга, разжимая закостеневшие Зосины пальцы.

– Что?.. – спросила та и снова завыла.

– Я спрашиваю, стреляли сегодня в Видове?

Выстрелы – это событие. О стрельбе тут же узнают все сельчане, вести разносятся, как пожар.

– Татьяна, – Ольга перевела взгляд на внучку, – сегодня стреляли?

– Нет. – Танюшка замотала головой. – Тихо было. Я даже этих… – хорошенькое личико ее исказила гримаса ненависти, – даже этих не видела.

– Слыхала, Зося? Не было никаких выстрелов. Немцев в поселке сегодня тоже не было. Вернется твой Митька. Вот попомнишь мои слова, нагуляется и вернется.

– Нагуляется… – Зося сжала лицо ладонями с такой силой, что глаза ее сползли к переносице, а рот округлился, а Ольга некстати подумала, что, наверное, с кого-то очень похожего на Зосю, Мунк и писал свою картину «Крик»… – Да как же он нагуляется, когда я запретила? Я ж ему велела из дому не выходить!

– И он всегда тебя слушался?

– Всегда! – Продолжая удерживать голову руками, Зося закивала.

– Никогда! – Отрезала Ольга. – Даже когда малой совсем был, не слушался. Не блажи, Зося, вернется твой Митька.

– Вернется? – Теперь Зося смотрела на нее с надеждой.

– Всегда возвращался. – Или возвращали. Но всегда целым и невредимым.

– Тогда я, наверное, это… – Зося встала. – Пойду я тогда. А то ж Митенька вернется, а меня нету. Может он уже вернулся, а?

– Может и вернулся. А может, у кого из дружков заночевал. – предположила Ольга.

Но не было у Митьки дружков, не сходился он с местными пацанами темпераментом. Только зачем же Зосе такое знать? Ольга и сама верила, что Митька объявится. А вот когда объявится, тогда его и нужно как следует отлупить. Только не мокрым полотенцем, а ремнем, что остался на память от папеньки.

Она говорила, а Зося кивала в такт каждому слову и пятилась к выходу.

– А если до утра не объявится, куда мне? Кому в ноги падать? – Зося смотрела на Ольгу с такой надеждой, что стало не по себе. Да, она могла предвидеть развитие событий. А точнее, просто просчитать все возможные варианты. Пока все было за то, что Митька где-то отсиживается, что к утру вернется домой. Другие варианты Ольга пока рассматривать не решалась.

– А если до утра не объявится, пойдем к Мишане, – сказала она твердо. – Я с него спрошу.

Спросит. Если потребуется, так и за петельку потянет. Дернет так, что кровь уже у него носом пойдет.

– Если что, ты ко мне в шесть утра постучись, потому что в семь мне нужно будет отлучиться.

Да, видно, и в самом деле Зосе было очень плохо, раз не спросила, куда это она собралась отлучаться. В другое время спросила бы непременно. Сначала спросила, а потом бы по поселку разнесла, еще и от себя приврала бы. Но сейчас не до того, сейчас все ее мысли о непутевом Митеньке.

Как только за Зосей захлопнулась дверь, Ольга задвинула засов, строго посмотрела на Танюшку.

– Давай ложиться. Завтра рано вставать.

– Бабушка, а ты в самом деле веришь, что Митька найдется? – спросила внучка.

– Я надеюсь, Татьяна. Всего лишь надеюсь. – Девочке врать не нужно. Не в этот раз. Случиться могло всякое, и обе они это прекрасно знают. – Но, если до утра

не объявится, я лично схожу к Мишане.

Врать не надо, а успокоить нужно.

* * *

Заснуть получилось не сразу, а когда наконец получилось, снилось всякое. Тревожную предрассветную дрему прогнал тревожный же стук. Стучали в окно. Стучали и голосили…

Ольга спустила босые ноги на холодный пол, накинула на плечи шаль, успокаивающе шикнула на вскинувшуюся на своей кровати Танюшку.

– Лежи, я посмотрю, кто там.

Она уже знала, кто там, а это значило, что Митька так и не объявился, а это значило, что придется идти на поклон к Мишане-полицаю…

Мишаня жил на окраине села в покосившейся избушке вместе со старой, полуглухой и полуслепой бабкой. Избушка давно нуждалась в мужском внимании, как и прогнивший местами забор, но руки у Мишани росли не из того места. А еще с совестью была беда.

– Ты не суйся, я сама буду разговаривать. – Ольга строго глянула на голосящую Зосю. – А лучше отойди-ка вон туда, не путайся под ногами.

Зося пыталась сопротивляться, но этой бессонной ночью силы ее покинули.

– Жди, я скоро, – велела Ольга и решительно постучала в дверь.

Ей не открывали долго, минут пять, если не десять, но Ольга знала – Мишаня уже затаился по ту сторону двери, и если попытаться пошарить в этой сонной темноте…Она и пошарила, нащупала петельку, потянула. И вслед за петелькой вытянула на крыльцо Мишаню. На невидимом аркане вытянула.

– Чего надо? – Мишаня моргал и щурился в тусклом свете керосиновой лампы. Был он одет в исподнее, лишь поверху накинул телогрейку. – Что за пожар?

– Вопрос у меня к тебе есть.

– Посеред ночи?! – Он пытался уйти, захлопнуть дверь, но Ольга держала крепко. Никуда он не уйдет, пока она не узнает то, за чем пришла.

– Уже утро, Михаил. Рассвет скоро.

Полицай переминался с ноги на ногу, ежился на ветру, смотрел понуро.

– Говори, что надо… – В голосе его было уже знакомое Ольге недоумение.

– Где Митька Куликов? – спросила она и чуть сильнее потянула за петельку.

Мишаня пошатнулся, но на ногах устоял, удивленно сощурил рыбьи глаза.

– Митька? А мне откуда знать? Почему ко мне приперлись? – Поверх Ольгиного плеча он глянул на Зосю.

– Приперлись, потому что Митька не пришел домой ночевать. Зося боится, что его забрали.

– Кто забрал? – Мишаня юлил, пытался соскочить с крючка, но удивление его было неподдельным. – Кому он нужен, этот паразит?!

– Маме нужен. Зося его домой не дождалась, вот мы и подумали, что его могли…

– Не было приказа производить арест. – Мишаня подбоченился, расправил грудь. – Если бы был, я бы знал. Да и зачем? Какой с него вред новой власти?! Ни вреда от него, ни пользы.

Это хорошо, что ни вреда, ни пользы. Это значит, что Митька не у немцев, и есть надежда, что парень вернется домой.

– Все? – спросил Мишаня с вызовом. – Все, что хотела спросить, спросила?

Ольга молча кивнула, развернулась к нему спиной.

– А тогда я спрошу, – ударили ее в спину насмешливые слова. Эх, не нужно было отпускать петельку…

– Спрашивай. – Ольга не стала оборачиваться, замерла на крыльце. – Как долго ты собираешься Таньку от меня прятать, старая? Ты смотри, она у тебя девка видная, лакомый кусок! На такой кусок желающих найдется много! Так может со своим лучше, чем с немцами? Я-то один, а немцев-то много…

Он говорил, а Ольга наматывала невидимую веревку на кулак. Намотала, дернула со всей мочи. За спиной послышался вой. Значит, получилось до кровавой юшки. Зря он заговорил про Танюшку. Ох, зря…

Зося поверила. Любой матери проще поверить, что ее непутевый сын где-то загулял, а не томится сейчас в фашистских застенках. Она даже припомнила какого-то Митькиного дружка из райцентра и даже убедила себя, что Митька сейчас у него в городе. Ольга ее не переубеждала. Человек должен надеяться на лучшее. Она тоже надеялась. Мишаня бы ей не соврал, не смог бы, даже если бы попытался.

– А вот я соберусь… вещички кое-какие возьму и схожу в город, – бормотала Зося. – А что мне? Я ж быстрая, что мне до того города-то идти? Да, тетя Оля?

– Погоди, Зося. Подожди еще хотя бы день. Вдруг объявится.

– А и то верно! – Зосина голова была сейчас похожа на растревоженную голубятню, и мысли в ней метались, словно птицы. – Это ж плохо выйдет, если я уйду, а Митенька вернется. Еще разволнуется, что мамки нет, глупостей натворит.

Это был вполне вероятный исход. Каким бы шалопаем не был Митька Куликов, но мамку свою он любил и жалел. Да и к совершению всяких глупостей был расположен с рождения.

Зося вдруг застыла, как вкопанная, уставилась на Ольгу широко раскрытыми глазами, сказала шепотом:

– А если он у них?

– У кого, Зося?

– У партизан если…

– Да не нужен твой Митька партизанам. От него ж одни только проблемы. Партизаны б его сразу развернули.

– Думаете, тетя Оля?

– Уверена.

– А он же хотел… – Зосин голос упал до тихого шепота. – Хотел к партизанам сбежать. Особливо после того, как Сережку Власова на площади того… – Она закрыла лицо руками, беззвучно завыла. – Отомстить хотел за Сережку, дурак такой… А я его по привычке полотенцем… А он у меня полотенце отобрал… Представляете, тетя Оля?.. Отобрал и говорит: «Хватит, мамка, я уже не маленький!» И вот я думаю…

– Вернется, – оборвала ее Ольга. – Все будет хорошо, Зося. Главное – верить.

– А я и верю! – Зося торопливо перекрестилась. – Я боженьку всю ночь просила, чтобы вернул мне Митюшеньку. И вот прямо сейчас пойду попрошу.

– Иди попроси, Зося. – Ольга приобняла ее за плечи, заглянула в глаза, нащупала петельку. Нет, тянуть не стала, лишь успокаивающе до нее дотронулась. – Только сначала поспи. Ты же ночь не спала, небось. Вот иди и отдохни, а там, глядишь, все и наладится…

Она проводила притихшую Зосю до дома, убедилась, что та успокоилась и спокойствия этого хватит до вечера, и отправилась к себе.

Танюшка уже окончательно проснулась и даже приготовила завтрак.

– Ну что? – спросила она, едва Ольга переступила порог.

– Не знает Мишаня ничего. Нет Митьки у немцев. – Ольга зачерпнула из ведра студеной воды, сделала несколько жадных глотков.

– А где же он тогда?

– Не знаю. Зося думает, в город отправился к какому-то своему дружку. Танюшка, главное, что его не арестовали. Вернется.

– Вернется… – эхом отозвалась внучка.

Больше они почти и не разговаривали, слишком мало осталось у Ольги времени на сборы. И так едва поспела к назначенному месту, пришла всего за пару минут до того, как там остановился грузовик.

– Это вас, что ли, нужно отвезти в Гремучий ручей? – послышался из нутра кабины сиплый бас. Шофер был свой, не немец. Впрочем, можно ли называть своим того, кто служит новой власти? Или не спешить с выводами? Она вон тоже служит…

– Меня, – сказала Ольга, забираясь на пассажирское сидение.

В кабине грузовика пахло бензином и махоркой, а шофер, грузный мужчина лет шестидесяти, занимал собой почти все свободное пространство.

– Ну так поехали, уважаемая! Вы, видно, из местных? – И, не дав Ольге возможности ответить, тут же продолжил: – А я из города. Ефим Сидорович я, но для вас, уважаемая, просто Ефим. Вас как звать-величать?

– Ольга Владимировна. – Ольге хотелось тишины, но Ефим жаждал общения.

– А я, Ольга Владимировна, вот уже второй месяц между городом и усадьбой мотаюсь. Каждый день туды-сюды. Да мне не привыкать, я, считай, полжизни за баранкой. Если бы взяли на… – Он осекся, покосился на Ольгу. Она понимала, о

чем он, понимала, почему замолчал и испугался. Если бы его взяли на фронт, он бы и там был за баранкой. Но на фронт его не взяли, зато взяли в услужение немцы.

Ольге хотелось его успокоить, но вместо этого она спросила:

– А что вы возите в Гремучий ручей?

– Гремучий ручей… – Ефим поежился. – Название такое… гадючье. Любили же раньше напридумывать! А вожу я тоже всякое. В основном продукты. Бывает мебель из города. Короче, что велят, то и вожу. Да и не смотрю я, что там, – добавил он поспешно.

Боится. Ее, Ольгу, боится. Поговорить хочется, да опасается, что она из таких, как Мишаня.

Дальше ехали в молчании. Когда доехали до Гремучей лощины, уже рассвело, но стоило лишь оказаться под сенью старых деревьев, как словно бы снова вернулась ночь.

– Странное место, – заговорил Ефим. – Вот сколько сюда езжу, а привыкнуть никак не могу. Жуть какая-то кругом. Звук этот… Бабы голые, прости господи, из-за кустов выглядывают.

Бабы – это, вероятно, нимфы. Но ведь тоже заметил, что не просто так стоят, а будто бы следят.

– И свет такой… Вы ж местная, Ольга Владимировна? Вот скажите мне, почему тут так… словно на том свете?

– Особенности ландшафта. – Ольга смотрела прямо перед собой. – Низинное место, затишное. Тут все немного иначе, чем наверху.

– Немного! – Ефим фыркнул в усы. – Тут все иначе! Как тут вообще можно нормальному человеку жить? Вот вы не поверите, а мне это все на мозги давит. Вот прямо чувствую, как въезжаю в лощину, так хоть караул кричи. А я мужик крепкий, первую мировую прошел. Что тут так гудит, а?

– Никто не знает, Ефим, но лощину потому и называли гремучей. Вот из-за этого звука.

Вот только слышат его далеко не все. А те, кто слышат, воспринимают по-разному. Ей чудится шепот, а Ефиму, выходит, гул. Каждому свое.

Грузовик тем временем вырулил на аллею, и Ефим сбавил газ.

– Тут нужно медленно ехать. Мне так велели, – сказал он чуть виновато. – Вы, Ольга Владимировна, если первый раз, так просто сидите молчком и делайте, что они велят. Разговаривать я с ними сам буду.

Разговаривать… Ольга едва заметно усмехнулась. Ну, пусть разговаривает.

Ефим остановил грузовик прямо перед запертыми воротами, но выходить не стал, остался сидеть в кабине. Большие лапищи свои положил на баранку, так, чтобы их было хорошо видно.

– Сейчас обыщут, и дальше покатимся, – сказал он шепотом.

Так и получилось. В приоткрывшиеся ворота вышли два автоматчика. Один остановился перед грузовиком, автомат он держал наизготовку. Второй, забрался в кузов грузовика, прямо под брезентовый полог. Какое-то время Ольга и Ефим слышали его неспешные шаги, а потом все затихло.

– Аусвайс! – сказал Ефим, показывая в окошко пропуск, а Ольге шепнул: – Достаньте свой, только медленно, чтобы не это…

Ольга открыла сумочку, протянула автоматчику пропуск. Тот изучал его так же внимательно и пристально, как и прошлый раз, а потом наконец вернул, качнул стволом автомата, пропуская грузовик на территорию усадьбы.

– И вот так каждый день, – сказал Ефим с явным облегчением. – Еду и думаю – пропустят или на месте пристрелят? А вы не боитесь, Ольга Владимировна?

Она боялась, только не того, что пугало этого человека. Она боялась собственных мыслей и собственных планов.

Ефим высадил ее перед крыльцом, а сам отправился на хоздвор. На прощание он махнул Ольге рукой. В этом жесте была какая-то обреченность, словно прощался он с ней навсегда, а не до завтрашнего дня. Ольга поднялась на крыльцо, потянула за медное кольцо, но постучать не успела. Дверь открылась так же быстро и так же неожиданно, как и вчера. Из темноты на нее смотрели три пары светящихся глаз. Две из них были на уровне земли, а третья…

– Доброе утро, фрау Хельга! – Из темноты выступила старуха. Глаза у нее были самые обыкновенные. Наверное, Ольге показалось. Ей в последнее время всякое кажется. – Вы пунктуальны. Я рада. – Вслед за старухой вышли Фобос и Деймос. Они больше не рычали на Ольгу, но следили за каждым ее движением, потому она и старалась лишних движений не делать.

– Доброе утро, фрау Ирма! – поздоровалась она, переступая порог. – Я готова приступить к работе.

– Успеется, – старуха привычным жестом положила ладони на головы псам, погладила. – Пройдемте на кухню, выпьем по чашечке кофе. Вы любите кофе, фрау Хельга?

Любит ли она кофе? Любит, пристрастилась еще во время учебы в Москве, но сейчас кофе для нее – недостижимая роскошь. Говорят, в городе на черном рынке даже сейчас можно купить все. Но она не могла позволить себе рисковать ради кофе. Тем, что оставила ей баба Гарпина, распоряжаться нужно с умом и осторожностью. Острой необходимости пока нет, значит, можно потерпеть.

– Спасибо, я очень люблю кофе. – Она уже даже слышала слабый аромат, растекающийся по дому.

– Почему-то я так и подумала. – Фрау Ирма уже скользила по коридору, а черные псы крались следом. – Отто привез кофе из Германии. Большой запас. Он гурман, понимаете ли. Здешняя еда кажется ему слишком простой и слишком грубой. И лишь чашка крепчайшего кофе примиряет его с несовершенством бытия.

Коридор вывел их к просторной и светлой кухне. Тут у плиты хлопотала юная девушка, почти девочка. При их появлении она вздрогнула, побледнела. Впрочем, она и без того была бледной, даже без намека на румянец. А еще очень

худой. Девушка была не из Видова, всю местную молодежь Ольга знала, большую часть ее Ольга учила. Значит, девушка не местная, скорее всего, из города.

– Это Эльза. – На девушку Ирма даже не взглянула. – Отто привез ее из города, она живет в усадьбе, помогает мне по дому, но по-немецки понимает плохо. Это очень раздражает! А еще Эльза страшно неловкая, вечно что-то роняет. На днях разбила любимую чашку Отто. Скажите ей, фрау Хельга, что если она не возьмет себя в руки, мы будем вынуждены с ней расстаться. А я пока сварю нам с вами по чашечке кофе.

Вынуждены расстаться… Даже думать не хотелось, какой смысл вкладывала старуха в эту фразу. Но с девочкой надо поговорить.

– Лиза? Тебя ведь Лизой зовут? – спросила Ольга сухо. В присутствии старухи нужно держать лицо, не нужно улыбаться, нельзя демонстрировать жалость.

– Вы говорите по-русски? – Девочка прижалась спиной к стене и, казалось, готова в стену эту впечататься.

– Я живу в селе Видово, преподавала в школе немецкий. А сейчас буду помогать фрау Ирме по дому. – Ольга перевела взгляд на старуху. Понимает ли она хоть что-нибудь по-русски? Или изучение языка рабов – пустое занятие для господ? Как бы то ни было, а нужно быть осторожной. – И фрау Ирма только что попросила меня передать тебе ее недовольство. Лиза, ты должна лучше стараться. Ты должна быть собранной и ничего не бояться.

Последняя фраза прозвучала как насмешка. В этом доме, посреди этой черной стаи тяжело сохранять смелость. Особенно юной девушке.

– Ты понимаешь меня, Лиза?

Ольга пыталась понять, но слишком велик был страх Лизы. Она таращилась на Ольгу расширившимися от ужаса глазами, а тонкие пальцы ее скользили туда-сюда по белоснежному переднику. Ольгино сердце не выдержало.

– Я буду приезжать сюда каждый день. Думаю, ты можешь обращаться ко мне, если тебе что-то будет не ясно. Я даже могу подтянуть твой немецкий. Чтобы ты могла общаться. Лиза, ты меня слышишь?

Что они сделали с бедной девочкой? Что нужно сделать, чтобы превратить нормального человека в смертельно напуганное существо?

– Вы тратите слишком много слов, фрау Хельга, – сказала старуха, оборачиваясь. – А вам всего лишь нужно сказать этой беспечной фройляйн, что, если она не будет справляться со своей работой, я скормлю ее псам.

Ольге очень хотелось, чтобы это было шуткой. Пусть дикой и страшной, но все же шуткой, однако на лице фрау Ирмы не было и тени улыбки.

– Переведите, – велела она. – Переведите, я жду!

Ольга перевела. Нельзя быть до конца уверенной в том, что старая карга не понимает по-русски. Зато можно быть уверенной в том, какой эффект произведут эти слова на бедную девочку. Значит, нужно действовать прямо сейчас.

Петелька девочки была такой же тонкой и полупрозрачной, как у Танюшки. Ольга коснулась ее легко и осторожно.

– Лиза, если ты не будешь справляться со своими обязанностями, тебя скормят собакам, – сказала она четко, по слогам.

– Ничего не бойся, девочка, – сказала она мысленно, отпуская петельку. – И забудь мои слова.

– Ты меня поняла? – Ольга кожей чувствовала, что старуха следит за ней, ловит интонации, всматривается в мимику. – Лиза, скажи, что ты все поняла.

– Я все поняла…

– Ольга Владимировна. Меня зовут Ольга Владимировна.

– Я все поняла, Ольга Владимировна. Я буду стараться.

Ольга развернулась лицом к старухе.

– Я передала ей ваши пожелания, фрау Ирма.

Та кивнула, и по ее некрасивому, костлявому лицу пробежала тень не то удивления, не то одобрения.

– Хорошо, фрау Хельга. Скажите ей, чтобы шла на второй этаж, там нужно перестелить постели в гостевых спальнях.

Ольга перевела, Лиза попятилась к двери, едва не налетела на дверной косяк, но в последний момент увернулась и исчезла в темноте коридора.

– Кофе готов! – сообщила старуха, разливая кофе по фарфоровым чашкам и выкладывая на поднос покрытые золотистой карамелью рогалики. – Прошу вас!

Они сидели за огромным столом друг напротив друга. Фобос и Деймос лежали тут же, возле стола. Ольга пила кофе и не чувствовала его вкуса, из головы все никак не шли слова фрау Ирмы.

– А у вас нордический характер, – старуха заговорила первой, посмотрела на Ольгу поверх своей чашки. – Я давно не встречала женщин, подобных вам. Даже у себя на родине.

Ольга тоже не встречала таких… холодных, умных, безжалостных. А если посмотреть поглубже, если заглянуть в эти белесые глаза?

Ольга заглянула и не увидела ничего, кроме тьмы. Даже в гнилой душонке Мишани-полицая крутились какие-то источающие зловоние образы, но тут не было ничего. А потом из тьмы на Ольгу зыркнули два красных глаза…

Нет, она не отшатнулась и не изменилась в лице. Наверное, после знакомства с фон Клейстом она была готова к чему-то подобному. Или и в самом деле имела нордический характер…

– Это такой род, Олька! Кровь такая! – любила повторять баба Гарпина. – Расплавленное серебро в твоих жилах, а не кровь. Поэтому не бойся. Ничего не бойся. Ты живое серебро, Оленька!

И в детстве она почти не боялась. Сказки бабы Гарпины не в счет. А когда повзрослела, бояться стала только за своих девочек. Не понимала, где корни этого страха, оттого боялась еще сильнее. А теперь вот начинала понимать. Начинала вспоминать.

– Допивайте свой кофе, фрау Хельга, – донеслось до нее словно издалека. – Нужно приступать к работе. У нас с вами впереди очень много дел.

И ведь не соврала, старая карга! Весь день они с Лизой убирались в доме, вытирали пыль, выбивали ковры, натирали мастикой старый паркет, до блеска начищали столовые приборы и хрустальные бокалы. Лиза старалась держаться к Ольге поближе, словно чувствовала ее молчаливую поддержку. Они почти не разговаривали. Ольга все еще не была уверена, что в этом доме можно разговаривать без опасений, что тебя подслушают. Да и некогда им было разговаривать! Работы было так много, что к концу дня Ольга валилась с ног. Дом требовал внимания и заботы. Дому были нужны люди. Не смертельно уставшая старуха и не смертельно напуганная девочка, а целая армия слуг, готовая служить ему верой и правдой.

…Фрау Ирма явилась за пять минут до окончания рабочего дня. Они с Лизой расстилали посреди гостиной ковер ручной работы, когда она беззвучно появилась на пороге в сопровождении псов.

– На сегодня довольно, – сказала фрау Ирма, обводя взглядом комнату. – Вы славно потрудились, фрау Хельга. Хочу заметить, что общение с вами пошло Эльзе на пользу. За весь день ни одной разбитой чашки…

– Она приняла ваши слова близко к сердцу, фрау Ирма. Она будет стараться.

– Это похвально. – Старуха едва заметно усмехнулась. – Я надеюсь, вы не слишком устали?

– Все хорошо. Я привыкла к работе.

– Но не к такой. Вы ведь человек умственного труда, никак не физического.

Сейчас она решит, что Ольга не подходит, и ее планы разрушатся, как карточный домик.

– Использовать вас для уборки дома, это все равно, что использовать скакового жеребца для вспашки поля.

– Меня все устраивает.

Главное, чтобы прозвучало не слишком поспешно, не слишком отчаянно. Лишь самую малость. Да, она нуждается. Да, она готова заниматься любой, даже самой грязной работой. Но она не смеет настаивать, она с достоинством примет любое решение. Вот так это должно выглядеть.

Старуха смотрела на нее очень долгим и очень внимательным взглядом. Старуха смотрела, а Ольга вспоминала «Оду к радости». Оказывается, она помнила ее почти наизусть. Оказывается, есть люди, которые так же, как она сама, могут попытаться заглянуть тебе в душу…

– Приходите завтра, – сказала фрау Ирма наконец. – Приходите, как договаривались. И вот это вам. – Из складок юбки она вытащила бумажный пакетик, протянула Ольге. – Это кофе. В знак признательности за хорошую работу.

– Спасибо, фрау Ирма! – Ольга бережно приняла пакетик, но убрать руку не успела: цепкие холодные пальцы старухи с неожиданной силой сжали ее запястье.

– Мы ценим тех, кто служит нам верой и правдой, – сказала фрау Ирма с улыбкой. – Но мы очень не любим разочаровываться.

– Я вас не разочарую, фрау Ирма. – «Ода к радости» теперь звучала в полный голос, заглушая в голове все прочие голоса, даже ни на секунду не прекращающийся шепот Гремучей лощины.

– Очень на это надеюсь. – Старуха разжала пальцы. – Мне бы не хотелось с вами… расставаться.

Пауза перед «расставаться» была такой многозначительной, что Ольга невольно посмотрела на псов. Те стояли в нескольких шагах от нее, ждали команды. С псами нужно что-то решать в ближайшее время. Хотя бы попробовать.

– Всего доброго, фрау Ирма!

Она вежливо улыбнулась и сделала шаг к двери.

– До завтра, фрау Хельга! – Старуха отозвала псов, ласково погладила их по головам. – До завтра!

Домой Ольга пришла полностью обессилевшей. Болели ноги, болели руки, но сильнее всего болела голова. В ней все еще громыхала «Ода к радости», и от дикой усталости Ольга все никак не могла сообразить, как выключить этот звуковой щит. От усталости она даже не хотела есть, хотя с самого утра у нее во рту не было и маковой росинки. А вот кофе… А вот кофе она хотела!

Она сварила его по всем правилам, разлила по чашкам. В Танюшкину положила крошечный кусочек рафинада, придвинула внучке.

– Митька не появился? – спросила Ольга, делая маленький глоток кофе.

– Нет. – Танюшка помотала головой. – Я заходила к Зосе. Хотела проведать, как она там. Зося спит, Митьки нигде нет. Бабушка, ты в самом деле думаешь, что с ним все в порядке? Может быть, он подался к партизанам?

И эта туда же…

– Я не знаю, Татьяна. Мне кажется, сейчас самое главное, что его не арестовали немцы.

– А как там? – спросила вдруг внучка.

– Где? – Ольга думала о своем, поэтому не сразу поняла вопрос.

– В Гремучем ручье. Их много там? Фашистов? Я слышала, там приводят в порядок парк и старый дом. Бабушка, это значит, что они тут надолго? Навсегда они тут, да?

– Нет, – сказала Ольга твердо. – Не навсегда. Быть такого не может, чтобы навсегда.

– Бабушка, мне страшно, – сказала Танюшка шепотом и уткнулась лбом Ольге в плечо. – Я боюсь, что они останутся, что придется привыкать к выстрелам и… – она всхлипнула, – виселицам. Это все так невыносимо страшно.

Боится – это хорошо. Если боится, значит, будет осторожна, не будет лезть, куда не следует. А там, глядишь, она, Ольга, решит, как лучше поступить, найдет этот ящик Пандоры. Баба Гарпина говорила, что есть такие силы, с которыми обычному человеку не совладать, что они смертельно опасны. Но та же баба Гарпина говорила, что Ольга особенная, что ей нечего бояться. Вот и понимай, как знаешь. Эх, ей бы вспомнить! А для начала полистать свою тетрадочку. Только при Танюшке нельзя, придется дождаться, когда девочка уснет. Ей самой этой ночью все равно не уснуть, слишком о многом предстоит подумать.

* * *

На заре в дверь снова постучали. Зося стояла на пороге, пошатывалась из стороны в сторону, куталась в куцый полушубок, подарок любимого супруга.

– А Митенька ж так и не пришел, тетя Оля, – сказала она шепотом. – Я весь день и всю ночь прождала, а он не пришел. Это что ж мне тепереча делать, тетя Оля? Это ж мне тепереча, наверное, надо в город идти к дружку евонному. А я дружка-то адресок позабыла… Мне Митенька говорил, а у меня ж память дырявая. Вот у Гринечки моего память была – страницу в книжке прочитает, а потом слово в слово повторит. А у меня дырявая… Так что мне делать-то, тетя Оля?..

Ольга вздохнула, положила обе ладони Зосе на плечи, сказала ласково:

– А посмотри-ка на меня, Зосенька. Я тебе сейчас расскажу, как нужно поступить…

Теперь у Ольги получалось почти сразу и почти без головной боли. Ей теперь, кажется, и петелька была не нужна, как-то само собой выходило.

– Уехал твой Митька в город к дружку. На неделю уехал, а потом непременно вернется. Ты панику не поднимай, ожидай сыночка спокойно. А если кто-то спросит, где Митька, так и говори – уехал в город, скоро вернется. Понимаешь ты меня, Зося?

– Понимаю, тетя Оля. – Она моргнула, улыбнулась с облегчением. – А я ж ему, оглоеду, сколько раз говорила, чтобы дома сидел! А он все в город рвался! Медом ему там, что ли, намазано?

– Так дело молодое, Зося. Ты и сама такой была, вспомни.

Зося вспоминала, морщила лоб и светлела лицом, вспоминая.

Ольга не знала, правильно ли поступает, внушая бедной женщине такие мысли. Но помочь чем-то другим она пока не могла, подарить Зосе она могла лишь спокойствие. А там, глядишь, и Митька объявится. А самой ей сейчас нужно думать о другом, нужно принять решение, от которого, возможно, будет зависеть не только их с Танюшкой жизни, но и жизни многих других людей.

К оговоренному месту она пришла заранее, но Ефим уже ждал ее в своем грузовике.

– Доброе утро, Ольга Владимировна! – поздоровался он, распахивая перед ней дверцу. – Вид у него был смурной, даже, кажется, немного растерянный, но спрашивать, что случилось, она не стала. Захочет, сам расскажет.

Вместо того чтобы рассказывать, Ефим спросил:

– Как вам первый день в усадьбе?

Простой, ни к чему особо не обязывающий вопрос, а на душе вдруг стало тревожно.

– Много работы, – сказала Ольга, глядя в сумрачную муть перед собой. – Много работы, мало рук.

– Будут руки. – Ефим бросил на нее быстрый взгляд. – Везу вам помощников.

– Везете? – не поняла она.

– В кузове. Для вас – кабина, для них, стало быть, кузов.

– Кто они? – Ольга и сама не заметила, как перешла на шепот.

– Молодежь… Две девчонки, три мальчонки.

– Совсем молодые? – Ей сделалось не по себе. Не место молодым ребятам в Гремучем ручье, рядом с фон Клейстом и старой каргой, рядом с этой собачьей сворой. Там людям вообще не место.

– Годков по пятнадцать-семнадцать. Я приехал за провиантом, а они уже во дворе. Стоят, меня дожидаются. А комендант говорит – вези их в усадьбу, такой приказ от начальства поступил. Раньше-то они по одному отправляли, а теперь вона сразу пять человек.

– Раньше? – спросила Ольга. – Вы, Ефим, выходит, часто ребят туда-сюда возите?

– Почему, туда-сюда? – удивился он. – Туда возил пару раз, а обратно почти всегда порожняком. Если только барахло какое из усадьбы вывезти. В городе для них работы никакой, а тут обещают сухой паек. Ну, вы же понимаете, Ольга Владимировна: работы нет, жрать нечего. Понимаете, да? – В его голосе послышались какие-то настойчивые нотки, словно он ждал от нее не просто ответа, а оправдания тому, что все они, даже те ребята, что ехали сейчас в кузове грузовика, служат новой власти.

– Я понимаю, Ефим, – сказала Ольга успокаивающе. Надо будет как-нибудь его прощупать. Сейчас, пока он за рулем, рискованно, но если доведется

встретиться в усадьбе… – И как, хорошо платит хозяин Гремучего ручья? – Спросила она и едва не поморщилась. Отто фон Клейст никакой не хозяин, а оккупант. Просто времена такие пошли, приходится очень старательно подбирать слова.

– Ну, провизией рассчитываются исправно. – Ефим больше в ее сторону не смотрел, ловко объезжал прихваченные ночным ледком лужи. – Эти-то… молодежь, на полном довольствии, я так думаю, но получается еще и родным в город передачки передавать.

– Через вас?

– Через меня. – Он кивнул. – Раз в неделю я эти пайки в город отвожу и передаю, кому скажут.

– Кому именно?

– Да по-всякому. Матерям, бабкам, братьям-сестрам.

– И сколько обычно таких пайков? – спросила Ольга.

– Последний раз было два. Вот девчушка эта… Лиза мне на прошлой неделе вынесла корзину, там внутри все по мешкам упаковано. А почему вы спрашиваете, Ольга Владимировна? – Он вдруг насупился. – Неужто, думаете, что я могу что-то себе оставить, обворовать старух и сирот?

– Глупости не говорите, Ефим. – Ольга думала совсем о другом, о подозрительной щедрости Отто фон Клейста. А еще о том, что за два дня пребывания в усадьбе из всей прислуги видела только Лизу. Но рассказывать об этом Ефиму не стоит. По крайней мере, до тех пор, пока она не поймет, что у него в голове.

– Вот и я говорю – глупости! – Ефим шумно выдохнул. На чужом горе своего счастья не построишь.

Это он верно подметил, хотя есть и те, кто пытается строить.

Когда грузовик выехал на подъездную аллею, Ефим постучал в заднюю стенку кабины, прокричал во все горло:

– Эй, молодежь! Как машина остановится, сидите на месте! Не вздумайте выходить! Вас сначала осмотрят, а потом уже впустят на территорию. Поняли меня?

Ответом ему стал ответный стук.

– Значит, поняли. – Ефим сбавил скорость, снова покосился на Ольгу. – Ну и вы, уважаемая, сидите смирно. Так сказать, во избежание…

Ольга молча кивнула.

На сей раз их досматривали дольше обычного. Сначала автоматчики заставили выбраться из кузова ребят, обыскали самих, обыскали вещи. Ольгу обыскивать не стали, лишь попросили на проверку пропуск. К дому все они шли уже пешком. Ольга впереди, притихшие ребята следом. Ефим не ошибся, они были еще совсем молодые. Молодые, напуганные и отчаянно решительные.

На крыльце их уже ждала старуха со своей сворой.

– Доброе утро, фрау Хельга! – сказала она, обращаясь исключительно к Ольге. – Видите, мы нашли для вас помощников! – Она указала на ребят подбородком. – Больше вам не придется заниматься черной работой. С сегодняшнего дня эти молодые люди поступают в ваше полное распоряжение. Я надеюсь, вы сумеете их организовать, потому что лично у меня это получается очень плохо. Местному населению не хватает дисциплины и прилежания.

– Я организую, – пообещала Ольга. – Могу приступить прямо сейчас.

– Прямо сейчас их введет в курс Эльза, а мы с вами, фрау Хельга, выпьем по чашечке кофе. Она отступила в сторону, и за ее спиной Ольга увидела Лизу – маленькую, напуганную, посиневшую на ветру. Лиза смотрела на вновь прибывших пустым, ничего не выражающим взглядом.

– Их поселят в домике для прислуги. Эльза покажет, где это. Думаю, получаса хватить и им, и нам с вами. Ну, что же вы стоите? Переведите тем, которые плохо знают немецкий.

Ольга перевела. Переводила с каменным лицом, почти таким же бесстрастным, как у фрау Ирмы.

– Вы все поняли? – спросила в конце.

Ребята закивали, а Лиза спустилась с крыльца. Псов старухи она обходила по большой дуге. Неужели, все-таки запомнила то, что Ольга велела ей забыть? Нужно будет обязательно проверить, незачем девочке помнить такое.

В кухне царило расслабляющее тепло, пахло специями и сухими травами. Старуха направилась к плите, псы уселись у ее ног.

– Нам предстоит большая работа, фрау Хельга, – сказала она, не оборачиваясь. – Через две недели Гремучий ручей навестит бургомистр. Это великая честь для нас, но нужно понимать, что к приему гостей в доме должно все блестеть. Отто постоянно занят, поэтому все организационные вопросы ложатся на мои плечи. В былые годы в другом месте и при иных обстоятельствах это не стало бы для меня проблемой, но в этой стране… – Плечи старухи раздраженно дернулись. – Мне нужна ваша помощь и поддержка! Отныне я буду расписывать для вас план работы на день, а вы будете воплощать этот план в жизнь.

– Сделаю все, что от меня зависит, фрау Ирма, – сказала Ольга, принимая у старухи чашку с кофе.

– Нет, вы должны сделать сверх того. – Старуха смотрела на нее тусклыми, словно бельмами затянутыми глазами. Снова пыталась прорваться ей в голову? Кажется, на сей раз нет. Обычное предупреждение. Или не совсем обычное?

– Сверх чего?

– И вы должны поговорить со своими… – старуха поджала тонкие губы. – С этими молодыми людьми. Они обязаны раз и навсегда уяснить, что отныне они служат великому рейху. Малейшее неповиновение, лень или уклонение от работы будет

жестоко наказываться. Я не хочу, но мне придется. – фрау Ирма многозначительно потрепала одного из псов по загривку, тот довольно зажмурился. – В этой стране практически неисчерпаемые человеческие ресурсы, просто этих молодых людей еще никто не научил отдаваться работе всем сердцем.

– Я научу, – пообещала Ольга.

– Я в этом не сомневаюсь, фрау Хельга. В противном случае, вас бы здесь не было. Вы на особом положении, я говорила. А наше доверие тяжело заслужить. – Она помолчала, а потом добавила: – Тяжело заслужить, но легко потерять. Пейте свой кофе. Он невкусный, когда остынет.

Ольга принялась за кофе. А старуха положила перед ней лист бумаги, исписанный аккуратным, педантичным почерком. Это был план работы на день. В плане было сорок два пункта. Некоторые из них казались Ольге невыполнимыми, но она тут же вспомнила про доверие. Она сделает все возможное, чтобы его заслужить.

С листком в руке она вышла из дома и по неширокой дорожке направилась в ту сторону, куда увела ребят Лиза. Идти пришлось несколько минут, а потом она увидела небольшой флигель. Наверное, в былые времена он тоже служил жилищем для прислуги. Руки реставраторов до него так и не дошли, и флигель вид имел жалкий. Местами штукатурка облупилась до кирпичных стен, большинство окон были наскоро заколочены досками, а те стекла, что еще сохранились, были серыми от многолетней грязи. Флигель тоже придется приводить в порядок. Если останутся время и силы.

Она вошла в неплотно закрытую дверь, постояла пару секунд, привыкая к темноте и прислушиваясь, а потом пошла на голоса.

Ребята собрались в просторной комнате рядом с выложенной нарядными изразцами печкой. Изразцы – вот единственное, что было красивым и радостным в этой комнате, на остальное же было больно смотреть. Облезлые, со следами плесени, стены, слепые окна, железные, явно привезенных из города, кровати вдоль стен. На кроватях – старые тюфяки, постельного белья и подушек нет.

Ребята стояли у холодной печи, что-то вполголоса обсуждали, их вещи лежали на полу, который просто необходимо было помыть. Если останутся время и силы…

Как только Ольга вошла в комнату, разговор оборвался, ребята затаились.

Будет тяжело. Ах, как же тяжело будет оставаться беспристрастной, сохранять эту холодную маску равнодушия! Но так лучше для всех. Вот для этих ребят лучше.

– Меня зовут Ольга Владимировна. – Ольга обвела ребят строгим взглядом. – В этом доме я… – Кто же она теперь в этом доме? – Управляющая. – Да, пока пусть будет так. – И с этого дня вы поступаете в мое полное распоряжение. Времени у нас с вами очень мало, поэтому постарайтесь запомнить все, что я вам скажу. Потому что повторяться я не стану.

Она говорила быстро и четко, всматриваясь, изучая каждого из тех, кто достался ей в подчинение. Дети… Глупые и несчастные дети. Не такие напуганные, как Лиза. Живее и бойчее, но все равно настороженные. Парни еще хорохорятся, а девочки явно скисли. Наверное, уже не раз пожалели, что решились приехать в Гремучий ручей. Ничего, продержаться им нужно всего несколько недель, а дальше дом уже не будет нуждаться в таком количестве прислуги. И дальше она, Ольга, возможно, найдет то, что ищет, вспомнит, где нужно искать.

* * *

Невыполнимое задание фрау Ирмы они в тот день все-таки выполнили. Чего это стоило, Ольге не хотелось даже вспоминать. Дети были глупые, неловкие, неподготовленные для такой работы. Что им там наговорили в городской комендатуре, когда вербовали? Чего наобещали? Она запомнила их по именам сразу же. Многолетняя учительская привычка – помнить имена и лица. А еще она поняла, с которыми из них могут быть в дальнейшем проблемы. Проблемных было двое. Высокая черноволосая, остроскулая и остроносая девочка Соня. У Сони и взгляд был острый. Во взгляде этом читались вопросы. А вот страха там почти не было. Это плохо. Они должны бояться, чтобы не наделать глупостей. Не так сильно бояться, как Лиза, но разумная осторожность не повредит. Вторым проблемным был парень по имени Сева. Высокий, светловолосый, симпатичный. А вот если заглянуть ему в глаза, можно увидеть там плохо замаскированную

ненависть. Или это только ей, Ольге, видно? Сева был идейный, Сева люто ненавидел новую власть и жаждал мести. Мести за что, ей еще предстояло выяснить. Когда появится свободная минутка. А пока нужно хотя бы слегка притушить пожар в его душе, чтобы отблески его не заметила старуха.

Ольга попробовала, заглянула в серые Севины глаза, попыталась заглянуть дальше, но поняла, что он не поддается. Не поддается почти так же, как старуха и фон Клейст. Нет, она не увидела на дне его глаз пугающей черноты, но словно бы с разбегу налетела на глухую стену. Мальчик защищался. Скорее всего, неосознанно, даже наверняка неосознанно, но вполне эффективно. Такому ничего не внушишь. По крайней мере с наскока. Придется разбирать его стену постепенно, кирпичик за кирпичиком. В том, что у нее получится, Ольга не сомневалась, она сомневалась в том, что у нее будет на это достаточно времени.

До обеда работали, не покладая рук. Ольга присматривала, направляла. Ей все время хотелось помочь, сделать что-то самой, но при каждом таком порыве она себя одергивала. Она домоправительница, они слуги. Эту схему ни в коем случае нельзя ломать.

И еще одну вещь Ольга понимала очень хорошо. Если сама она могла перекусить принесенной из дому едой, то у ребят еды не будет. И своего дома на ближайшие две недели у них тоже не будет, поэтому нужно решить вопрос с питанием.

Фрау Ирму Ольга нашла в ее кабинете. Старуха сидела за столом, изучала какие-то записи в толстом гроссбухе. И только сейчас Ольга обратила внимание, что она не пользуется очками. В ее-то возрасте! Очень необычно.

– Что такое? – старуха оторвалась от работы.

– Их нужно покормить. – Ольга не стала уточнять, кого именно. Для фрау Ирмы эти ребята – никто. Значит, и для нее тоже. – От этого зависит эффективность их работы. – Добавила она.

– Ах, да… Я все время забываю. – Старуха усмехнулась. – Кстати, вы ведь тоже в усадьбе с утра до вечера.

– Я беру еду с собой.

– Это лишнее. – Фрау Ирма захлопнула гроссбух. – Вы будете питаться вместе со своими подопечными. Заодно и проследите, чтобы в их рядах царил порядок и аккуратность.

– По поводу порядка и аккуратности… – Быка нужно было брать за рога прямо сейчас. – Я посмотрела их дом. Фрау Ирма, там нужно непременно прибраться. Разрешите мне снять с основной работы нескольких человек. Это не займет много времени, но санитарную обстановку улучшит значительно.

– У вас есть два часа.

– И постельное белье. Я понимаю, они могут обойтись без простыней, но на дворе еще достаточно холодно, им нужно чем-то укрываться. Чтобы не заболеть и оставаться достаточно эффективными.

– Заболевшего работника всегда можно заменить. – Старуха смотрела на нее с недоумением. В самом деле, не видела в этом никакой проблемы?

– Можно. – Ольга кивнула. – Но нового работника нужно заново вводить в курс дела и обучать. Мне кажется, лучше иметь постоянный, хорошо вышколенный штат.

– Пожалуй, это рационально. – Фрау Ирма кивнула. – Я распоряжусь, чтобы вас пропустили на склад. После уборки подберите там все необходимое. А по поводу питания… – она на мгновение задумалась, потом бросила быстрый взгляд на наручные часы. – Солдаты и персонал питаются в гостевом доме. Лиза вас туда проводит. И, фрау Хельга, позаботьтесь, чтобы ваши подопечные не путались под ногами у моих мальчиков. Вы меня понимаете?

Она понимала. Своими мальчиками старуха называла немецких солдат. Так мило, так по-домашнему… Аж, зубы сводит от омерзения.

– Не волнуйтесь, фрау Ирма. Я все организую.

– Тогда можете быть свободны. Занимайтесь своими делами, но не забывайте про мой список.

Лизу Ольга нашла на кухне. Девочка мыла посуду и испуганно охнула, когда услышала шорох за своей спиной.

– Это я, – сказала Ольга строго. В таких домах и у стен бывают уши. – Не нужно так дергаться, Лиза.

– Я просто задумалась. Простите меня, Ольга Владимировна. – В глазах у девочки клубился туман – гремучая смесь из страха и равнодушия.

– Ты должна показать мне, где питается персонал. Пришло время обеда.

Лиза отложила посуду, вытерла красные от воды руки полотенцем, сказала:

– Конечно, я покажу.

Домик для гостей располагался от хозяйского дома еще дальше, чем домик для прислуги. И это понятно: прислуга всегда должна быть под рукой. Его как раз худо-бедно отремонтировали, по крайней мере, все окна были на месте и чистые. На крыльце курил молодой немецкий солдат, он проводил Лизу заинтересованным взглядом, заступил Ольге дорогу.

– Куда? – спросил и, кажется, приготовился оттолкнуть.

– У меня есть приказ господина фон Клейста, – Ольга чеканила каждое слово, смотрела паршивцу прямо в глаза. – Мне нужно распорядиться начет питания для прислуги.

Это то, что она сказала вслух.

– Сойди с дороги, щенок. И больше не смей путаться у меня под ногами! – Это то, что она подумала, потянув за невидимую петельку.

Солдат дернулся, выронил недокуренную папиросу, отступил в сторону, пропуская ее внутрь.

Внутри было тепло и пахло едой. Можно сказать, кухню она нашла по запаху. Это была просторная комната с печью, длинным наспех сколоченным столом и такими же лавками. У печи возилась тощая, невысокого росточка женщина.

– Чего приперлись? – сказала она, не оборачиваясь. – Еще полчаса до обеда! Ишь, повадились раньше времени, ироды…

– Тетя Шура, – голос Лизы испуганно дрогнул. – Тетя Шура, я вот тут привела…

– Добрый день. – Ольга подошла к печи, сверху вниз посмотрела на повариху. Не местная, не из Видова. Боевая, хоть и мелкая. Боевая и бесстрашная. Опасно бесстрашная для этого страшного места. – Меня зовут Ольга Владимировна…

– Я знаю, – Шура не дала ей договорить. Крайне невежливо и крайне неразумно. – Помощница хозяйки. – На Ольгу она глянула с раздражением.

– И ваша новая начальница. – Нет, ей не хотелось ставить на место эту маленькую смелую женщину. Ей просто хотелось пригасить пожар. Как и в случае с мальчиком Севой. – Сегодня в усадьбу приехали новые работники.

– Лизка, это те городские шалопаи, что ли? – Шура смотрела только на девочку, Ольгу игнорировала. Ох, не получается гасить пожар одними только словами. – Приехали, помощнички! Толку от них. Я вот…

Теперь уже не договорила она, потому что Ольга встала напротив, сказала тихо, но требовательно:

– Посмотрите на меня, Шура. Посмотрите и запомните все, что я вам сейчас скажу. Работников, которые прибыли в усадьбу, нужно кормить три раза в день. Это теперь ваша прямая обязанность. И, пожалуйста, организуйте график приема пищи так, чтобы работники и солдаты не пересекались. Вы меня понимаете?

Шура молча кивнула, а пожар в ее душе поутих. Это хорошо. В первую очередь, для нее самой.

– Солдат я буду кормить через полчаса, а потом уже этих… работников, – сказала она по-прежнему ворчливо, но уже с едва различимой ноткой уважения. Или это не уважение, а страх? Плевать! Пока главное, что слушается.

– Прекрасно! – Значит, мы придем на обед через час. – Ольга направилась к выходу, потом через плечо глянула на истуканом застывшую Лизу, велела: – Сбегай в дом, скажи Соне и Севе, что я жду их в домике для прислуги. И чтобы не мешкали!

Лиза кивнула, шмыгнула мимо нее в дверь.

– Вот же шкура фашистская… – послышалось за спиной едва различимое. Шура сказала это себе под нос, гремя кастрюлями, а она все равно расслышала. Странное дело. Впрочем, куда менее странное, что эта ее возможность читать людей, как открытые книги.

Оборачиваться Ольга не стала. Бесстрашную повариху Шуру она не винила, скорее переживала, что это отчаянное бесстрашие может причинить ей вред. Особенно, если старухе или фон Клейсту вдруг вздумается заглянуть ей в глаза…

Ребята явились через пять минут. Значит, до обеда у них есть еще почти час времени. Очень многое можно сделать за целый час. Особенно если четко изложить план действий.

Ольга изложила и почти сразу же наткнулась на сопротивление.

– Мыть полы и окна… – Сева на нее не смотрел. – Это бабская работа!

Рядом возмущенно фыркнула Соня.

– То есть, ты предпочитаешь спать в хлеву и смотреть на мир сквозь грязные стекла? – Ольга была вежлива и терпелива. – Или тебе напомнить, зачем ты здесь, Всеволод? – тоже вежливо, но уже с угрозой в голосе.

– Не нужно! – Он упрямо мотнул головой. – Я знаю, зачем я здесь.

– Тогда быстро взял в руки ведро и тряпку! – А стена-то стала еще толще, еще непрошибаемее… – Софья, ты принимайся за окна. За час вы должны убрать комнаты, в которых вам предстоит жить. Еще раз напоминаю, это ваши комнаты. Это вам тут спать.

Соня ничего не ответила, молча принялась за уборку. Девочки всегда казались Ольге умнее и хитрее мальчиков. Еще со школьных времен. Всеволод немного помедлил, а потом взялся за веник.

– Ровно через пятьдесят минут за вами зайдет Лиза, отведет на обед.

– Нас еще и кормить будут, – проворчал себе под нос Сева, но отвечать на эту реплику Ольга не стала.

Обедать уселись на кухне поварихи Шуры. Дети вымотались и очевидно проголодались, поэтому смели со стола всю предложенную еду. Даже гордый Сева. А Шура, не переставая ворчать и греметь посудой, то и дело подкладывала им добавки. Только им – Ольгу она демонстративно обходила своим вниманием, сунула ей тарелку с борщом с такой стремительностью, что борщ расплескался по столу. Ольга молча вытерла его белоснежным Шуриным полотенцем, чем заслужила еще один полный ненависти взгляд.

Дальше работали уже до самого ужина, не покладая рук. Вместе с Севой и Соней она сходила на склад, выбрала шесть комплектов постельного белья. В дальнем углу склада Ольге даже удалось отыскать подушки и тонкие матрасы, а еще шерстяные одеяла. Теперь дети не будут мерзнуть по ночам. А если удастся решить вопрос с дровами, то и днем в домике для прислуги может быть достаточно комфортно.

Вопрос с дровами пришлось оставить на следующий день, потому что весь нынешний пролетел в трудах и заботах. Да, они выполнили все пункты из списка фрау Ирмы, но на собственные задачи у Ольги не осталось ни сил, ни времени. Единственное, что она еще могла – это наблюдать и запоминать.

Солдат в усадьбе было много. Она насчитала двенадцать человек. Это из тех, которые попались ей на глаза. Конечно, Шура знала бы наверняка, ведь она их кормила, но спрашивать о таком у Шуры было бы, как минимум, неразумно. Слуг

было значительно меньше. Если не считать ребят и Шуры, всего один – крупный налысо бритый немец в старой армейской шинели. Немца Шура называла Гюнтером, он был одновременно садовником и истопником. Уже собираясь уходить, Ольга заприметила его на хоздворе. Он рубил спиленные со старых деревьев ветки, складывал в аккуратные кучки рядом с такими же аккуратными поленницами. Вот у кого нужно попросить дров для домика прислуги. Нет, не попросить – потребовать. И не завтра, а прямо сейчас, чтобы ребята не остались на ночь без тепла.

Гюнтер долго не замечал ее присутствия. Или делал вид, что не замечает, ловко и размеренно орудовал топором, не оборачивался.

– Мне нужны дрова. – Сказала Ольга в его крепкую спину.

Он не обернулся, и она обошла его по кругу, встала перед старой, выщербленной колодой прямо посреди кучи щепы. Гюнтер замер с занесенным над головой топором, посмотрел удивленно.

– Мне нужны дрова, – повторила Ольга уже громче. – Чтобы протопить домик для прислуги. Вы меня понимаете?

– …Он глухой, – послышался тихий голос.

Ольга обернулась – прямо за ее спиной стояла Лиза. И как только подошла так бесшумно?.. В руках она держала накрытую салфеткой корзинку.

– Что ты сказала? – Ольга перевела дух, приходя в себя от неожиданности.

– Он глухой. Кажется, это из-за контузии.

– Но разговаривать он может?

– Может. – Лиза кивнула. – Только не хочет. Не любит он разговаривать.

Все это время Гюнтер наблюдал за их беседой, топор он положил на колоду, достал из кармана сигарету, закурил.

– А как же вы с ним общаетесь?

– В основном жестами. – Лиза пожала худенькими плечиками. Салфетка с ее корзинки сползла, и Ольга заметила горлышко бутылки. В бутылке было что-то прозрачное.

– Отлично! Тогда объясни ему, что он должен принести дрова к домику для прислуги. Сможешь?

Лиза кивнула.

Вот и хорошо. Можно считать, что дело сделано, а Ольге пора домой. Танюшка, наверное, уже волнуется.

* * *

Танюшка волновалась, но не из-за долгого Ольгиного отсутствия, а по другой причине.

– Бабушка, нам нужно сходить к Зосе, – сказала она с порога. – Бабушка, с ней что-то не то!

– Что именно не то? – С Зосей все должно было быть нормально. Еще шесть дней она должна была верить, что ее Митенька гостит у друга в райцентре.

– Она приходила к нам утром, искала тебя, но ты уже уехала в Гремучий ручей. – Танюшка обхватила себя за плечи, словно замерзла. – Я ей так и сказала, что тебя нет, что ты вернешься только вечером. Спросила, чем могу ей помочь, спросила, не нашелся ли Митька. А она так разволновалась. Сначала мне показалось, что она вообще не понимает, о чем я говорю. Она вела себя так странно, бабушка. Я не понимаю…

А вот Ольга понимала. Ее внучка своим вопросом невольно разрушила ту хрупкую защиту, которую она наспех построила в Зосином мозгу. Если бы Танюшка спросила, где Митька, Зося бы ответила так, как она ей велела, про городского дружка. Но Танюшка спросила, нашелся ли Митька, и защитная стена дала трещину. Наверное, Зося начала что-то вспоминать. Даже наверняка.

– Она сначала долго кричала и плакала. Я пыталась ее успокоить, но у меня не получается так, как у тебя.

У нее не получается, потому что она еще слишком юная, потому что не общалась с бабой Гарпиной и не читала запретную тетрадку. Но в ней тоже это есть, просто оно пока крепко спит и, даст бог, никогда не проснется.

– Что она сказала? – Раздеваться Ольга не стала. Очевидно, что нужно идти к дому Зоси, уговаривать, успокаивать по второму кругу. Очевидно, что это ничего не даст, потому что Митька не вернется. Себя можно не обманывать. Если ушел сам, то к партизанам. Если забрали, то туда, откуда вернуться тяжело. Хоть Мишаня и утверждал, что никаких арестов в Видове не было. А если не в Видове?

– Зося сказала, что он ей снился. – Танюшка принялась натягивать сапоги. – Митька снился, звал на помощь, говорил, что ему очень страшно. Представляешь, бабушка?

Ольга представляла. Если бы, не дай бог, пропала Танюшка, ей бы тоже снились кошмары.

– А потом стала говорить, что виновата, что плохая мать, раз забыла, что Митька пропал.

Не плохая, а бестолковая. Бестолковая и несчастная. И она тоже бестолковая, если решила, что можно заставить мать забыть своего единственного ребенка.

– Сначала хотела бежать его искать, но я отговорила. Куда ей в таком состоянии, да?

– Ты правильно сделала, Татьяна. Ее не нужно было никуда пускать.

Танюшка вздохнула с облегчением, словно чувствовала за собой какую-то вину.

– Я напоила ее чаем. Кажется, она даже успокоилась, перестала плакать, сказала, что у нее есть предположение, где может быть Митька. То есть, она как-то по-другому это сказала, но я именно так поняла. Мне показалось, она что-

то вспомнила, какой-то важный разговор, потому и успокоилась.

А такое возможно? Возможно ли, что через пролом в защитной стене хлынули не только воспоминания о сыне, но и другие, почти забытые? Ольга была уверена, что возможно. Эти ее… способности. На самом деле и даже вероятнее всего – это не что иное, как гипноз. Она каким-то удивительным образом научилась гипнотизировать людей. Не всех, но многих. Кто-то поддавался легче, кто-то тяжелее. Кто-то не поддавался вовсе. А Зося под действием гипноза внезапно вместо того, чтобы забыть, вспомнила что-то очень важное. Только непонятно, почему так волнуется Танюшка…

– Она ушла? – спросила Ольга.

– Ушла. – Внучка кивнула. – Только сначала попросила у меня бумагу и карандаш.

– Зачем?

– Сказала, что хочет написать записку.

– Написать? Татьяна, Зося безграмотная, она не умеет ни писать, ни читать.

– Теперь умеет. – На Танюшкином лице мелькнула тень улыбки. – Я ее учила последние два месяца. Это был наш секрет. Она хотела удивить своего Гринечку. Говорила, вот Гринечка вернется, а я с его любимой книгой в руках сижу и вслух читаю.

Гринечка не вернется… Но Ольга понимала это страстное желание верить в чудо. Она и сама очень долго верила. Сначала после первой похоронки, потом после второй… Даже сейчас ей все еще хочется верить.

Ей бы спросить, кому Зося собиралась писать записку, а вместо этого она спросила, какая книга была у Гринечки любимой. Стало вдруг очень любопытно.

– «Приключения Шерлока Холмса», – Танюшка снова улыбнулась. – Представляешь, бабушка, дядя Гриша читает Конана Дойля! – Она вдруг осеклась, добавила шепотом: – Читал…

– Татьяна, я поговорю с Зосей. Хочешь, прямо сейчас поговорю, успокою? – Ольга прижалась спиной к двери, наблюдая за внучкой.

– Хочу. – Та кивнула. – Бабушка, я и сама собиралась поговорить. Ходила к ней, но ее там нет.

– Давно ходила? – На сердце сделалось совсем уж тревожно.

– Два часа назад, еще по свету. Думала, может она мне скажет, что вспомнила, думала, что я ей тоже смогу чем-нибудь помочь.

– Пойдем. – Ольга решительно толкнула дверь. – Пойдем! Думаю, Зося уже вернулась.

Вот только Зося не вернулась. Дом был заперт на замок, но Ольга и Танюшка знали, где искать ключ. В Видове не было привычки прятаться от своих. Раньше, пока не пришли чужаки.

– Мы войдем? – спросила Танюшка шепотом.

– Войдем. Нужно убедиться. – Ольга вставила ключ в замок, повернула.

В чем именно нужно убедиться, она и сама не знала, но чувствовала какую-то острую потребность сделать хоть что-нибудь.

В доме Зоси было чисто, каждая вещь – на своем месте. Зося любила порядок и очень гордилась своим умением навести его в любом месте, даже таком сложном, как школа. Что уж говорить про дом?

Они осмотрели сначала одну комнату, потом другую. Никого, ничего. На обеденном столе – обгрызенный карандаш. Наверное, Зося очень волновалась, когда писала свою записку. А самой записки нет. Ольга даже под стол заглянула, чтобы убедиться, что она не упала на пол. Если Зося ее и написала, то забрала с собой. Понять бы еще, куда забрала и где ее теперь искать.

– Где ее теперь искать? – словно прочла ее мысли Танюшка.

– Может в город ушла. – Внучке не нужно знать ни о ее страхах, ни о ее подозрениях.

– Зачем в город?

– За Митькой. Она думала, что Митька в райцентре у друга.

– Не думала она так. – Танюшка упрямо покачала головой. – Бабушка, ты что-то путаешь, она думала, что Митька ушел к партизанам.

Ольга вздохнула, положила ладони внучке на плечи, заглянула в глаза:

– Татьяна, я знаю точно, и ты должна мне поверить… – начала говорить и тут же замолчала. Танюшка сопротивлялась. Нет, не так, как мальчик Сева, который строил каменные стены, и не так, как нынешние хозяева Гремучего ручья, у которых вместо души были черные дыры. Она просто больше не поддавалась гипнозу. И прозрачной петельки Ольга больше не могла нащупать. Пропала петелька.

– Бабушка, что ты делаешь? – спросила Танюшка и моргнула. – Почему ты так на меня смотришь?

Защищается, но не понимает, что происходит. И то хлеб… Если поймет, будет совсем уж плохо.

– Ничего. – Ольга заставила себя улыбнуться. – Я просто думаю, что завтра Зося найдется. Пойдем домой, Татьяна…

Она как в воду глядела. На следующий день Зося нашлась…

* * *

Утро выдалось холодным и ненастным. С темного неба сыпал снег. Именно сыпал, а не падал. Он был таким же колючим и холодным, как и ветер. Зима не хотела уступать, зима решила остаться.

Ольга не спала полночи, все думала о Зосе, о том, где ее искать. Думала о Танюшке и об этой ее новой способности закрываться. Думала о детях, которых оставила в усадьбе в холодном доме. Нужно было остаться, проследить, что решился вопрос с дровами. Она не могла посреди ночи отыскать Зосю, но это точно было в ее силах.

Танюшка спала. Полночи прокрутилась без сна – Ольга слышала, как скрипят пружины старой кровати, – а под утро уснула крепким, непробудным сном. Вот и хорошо, что непробудным. Нет сил ни разговаривать, ни утешать, ни врать, что все будет хорошо. Сил достает только на записку.

«Уехала в усадьбу. Не волнуйся, все будет хорошо!»

Ефим уже ждал Ольгу. Его грузовик был едва различим в снежной круговерти, и тьма вокруг была какая-то особенно плотная, словно утро все еще не наступило, а может никогда и не наступит. Стало вдруг так холодно, что у Ольги аж зубы застучали. Она поплотнее запахнула пальто, забралась в теплое, пахнущее махоркой нутро кабины.

– Что творится, а! – сказал Ефим вместо приветствия. – Настоящая метель!

Метель эта закончится не раньше, чем к обеду, как и большинство слабосильных мартовских метелей, но сейчас и в самом деле жутко.

– Хоть бы доехать, не застрять на середине пути. – В хриплом голосе Ефима послышалась озабоченность.

– Все будет хорошо, доберемся, – сказала Ольга, пряча озябшие ладони в рукава пальто.

Как же сильно она ошибалась…

Ветер, а следом и метель, стихли, как только машина спустилась в Гремучую лощину. Осталась только темнота, уже не такая плотная, с серыми проблесками света, но все еще неприветливая – опасная.

Ефим увидел это первым.

– Что там такое? – спросил тоном растерянным и немного удивленным.

– Где? – Ольга смотрела прямо перед собой, но ничего особенного не видела.

– Да вон там! – Ефим посторонился, давая ей возможность заглянуть в боковое стекло. – Уже сколько раз здесь ездил, а такого не видел. Она ж всегда одна была. Я точно помню, что одна. Я еще думал, вот же была б баба как баба, даже красивая, если бы не однорукая, да если бы голяком по парку не разгуливала.

Ольга еще ничего толком не видела, но уже поняла – это он об одной из несчастных нимф. Не то чтобы она была совсем уж голая, просто, талант скульптора был такой, что сквозь складки туники женское тело проступало во всех своих подробностях, как живое. А руки не было. Рука пропала еще в те лихие времена, когда усадьба горела.

– Почему две, я… – Она не договорила, оборвала себя на полуслове, потому что статуй и в самом деле было две: одна безрукая, а вторая… А вторая, кажется, безголовая.

– Надо глянуть. – Ефим заглушил мотор, но выходить из кабины не спешил.

– Надо. – Ольга выбралась первой. Спрыгнула на землю и мельком удивилась, что колени не отозвались привычной болью.

– Стойте, я вперед! – Из-под своего сидения Ефим достал что-то длинное, с виду внушительное. – Монтировка, – пояснил, всматриваясь в сумерки. – В дороге всякое может приключиться, знаете ли.

Приключилось. Только, кажется, не с ними… Ольга всмотрелась, и сердце перестало биться.

Показалось! Просто обман зрения! Мозг все еще пытался найти увиденному логическое объяснение, но сердце знало наверняка.

– Да чтоб тебя… – Тихо выругался Ефим и попятился. – Да откуда же?..

Из села. Ольга точно знала, откуда. И точно знала, кто это.

…Они стояли, обнявшись, как давние подруги. Мертвая каменная нимфа единственной рукой поддерживала мертвую женщину, не давала упасть. Это сначала показалось, что у женщины нет головы. Голова была, просто… просто болталась на лоскуте кожи, по-кукольному нелепо и по-нечеловечески страшно. Ольга еще не видела лица, но уже знала, кто эта женщина.

– Стойте тут! – велел Ефим. Голос его упал до шепота, а монтировку свою он теперь сжимал обеими руками. – Я посмотрю…

Ему не хотелось смотреть на такое, но он был мужчиной, он прошел войну. А она всего лишь женщина – немолодая, беспомощная.

– Я с вами, – сказала Ольга решительно. – Мне нужно.

– Да что там нужно?.. Да зачем же это нужно такое?.. – проворчал Ефим, но спорить не стал, сказал лишь: – Держитесь рядом. Мало ли…

Они шли, проваливаясь в рыхлый, слегка прихваченный морозом снег. Шли медленно, нехотя, оттягивая момент встречи с неизбежным. Но сколько не оттягивай, а неизбежное, потому и неизбежное, что уклониться от него никак нельзя.

…Они обе были в крови. И нимфа, и женщина… Крови хватило, чтобы выкрасить красным тунику первой и ночную сорочку второй, но не хватило на снег. Снег был почти белый, почти девственный. Или это потому, что он свежий, выпал уже после того, как?..

Ольга сглотнула колючий ком, подошла к женщине вплотную. Да она знает, но она должна убедиться. Огненно-рыжие волосы теперь были бурыми от запекшейся крови, а взгляд зеленых глаз был направлен вверх, к небу, но не мог пробиться через плотную сеть ветвей. Во взгляде был ужас. Кристально чистый ужас, почти такой же чистый, как этот мартовский снег.

– Господи, кто же это ее так? Как же это?.. – Ефим замер в нескольких шагах, не решался подойти ближе. У ног его лежала припорошенная снегом и почти

незаметная кроличья шубейка. Эту шубейку подарил Зосе любимый Гринечка, и она ею страшно гордилась, носила, не снимая, с октября по апрель. А перед смертью сняла, чтобы не замарать кровью. Сняла, аккуратно положила в сторонке, прижалась к холодному плечу мертвой нимфы, подставила шею неведомому убийце.

Вот так это было! А кто? Ольга всматривалась в зияющую рану, превозмогая головокружение, заставляла себя смотреть. Разорванное горло… Сломанный позвоночник… Ужас во взгляде… Ужас появился уже потом, после того, как она сняла шубейку, Ольга была в этом почти уверена.

– Это какой-то зверь… – сказал Ефим неуверенно. – Точно зверь! Я знаю, рысь так может. Прыгнет с ветки – и поминай, как звали. – Он испуганно посмотрел вверх, на переплетение ветвей. Там не было никакой рыси. Но она могла там быть раньше. Если искать в смерти логику, если не видеть очевидного.

– Рысь не смогла бы сломать человеку шею. – Ольга пятилась от мертвой Зоси к ее кроличьей шубейке.

И рысь бы повалила свою жертву на землю. Любой хищник повалил бы. Но жертва держалась на ногах, всей позой своей имитируя жизнь. Вот только каменная однорукая нимфа казалась куда живее.

– И рысь оставила бы следы. – Ольга подняла с земли шубейку.

– Следы могло замести снегом.

В карманах шубейки было пусто – никаких записок. Ольга почувствовала себя расхитительницей египетских гробниц, но понимала, что сделать это надо: потому что нужно знать, куда шла Зося и что собиралась делать.

– А тело? – Теперь она смотрела только на Ефима и взглядом старалась удержать его от паники, заставляя забыть про то, что она обыскивала шубейку. – Почему оно… почему она стоит?

– Она могла зацепиться. – Ефим моргнул. – Зацепиться за статую. Может глянуть?

Ольге не хотелось заглядывать, Ефиму еще больше, но что может быть хуже разорванного горла?

Оказалось, может… Теперь они знали, почему Зося стоит…

Стоит, потому что ее держат каменные пальцы нимфы, поскольку она… нанизана спиной на эти длинные изящные пальцы!

Ефим не выдержал, с тихим стоном бросился прочь. А Ольга осталась смотреть, изучать, запоминать.

…Зося вышла из дома, накинув шубейку прямо поверх ночной сорочки. Почему? Потому что спешила? Или потому что не думала о таких мелочах, как теплая одежда? О чем она вообще думала? Что вспомнила? Заглянуть бы сейчас в ее мертвые глаза, но Ольга не смогла, не нашла в себе смелости и душевных сил. Сил хватило лишь на то, чтобы аккуратно положить шубейку на место.

– Надо доложить. – Кажется, Ефим уже немного пришел в себя. Он говорил, а сам шарил по карманам, в поисках папирос. – Нельзя ее тут оставлять… – Он замер, прислушался, а потом спросил: – Вы это слышите?

Ольга слышала, раньше было не до того, а теперь вот услышала. Голос Гремучей лощины, тот звук, который она принимала за голос, сделался громче и тревожнее.

– Гудит… – Сказал Ефим, дрожащими руками пытаясь разжечь сигарету. – Аж кости дрожат от этого гула.

Кости Ольги не дрожали. Только сердце билось с перебоями. А еще ей чудилось, что за ними кто-то наблюдает. Или не чудилось?..

– Надо ехать. – Ольга тронула Ефима за рукав. – Нужно позвать на помощь.

* * *

Они не стали ничего рассказывать караульным, Ольга прямиком направилась к дому. Дорожки еще не успели очистить, и она по щиколотку проваливалась в рыхлый снег. Старуху искать не пришлось, Ольга просто пошла на запах свежесваренного кофе, но войти в кухню ей не дал один из псов, то ли Фобос, то ли Деймос. Сначала она услышала тихое рычание, потом из сумрака выступила остроухая тень.

– Фобос, вернись на место! – послышалось из глубины кухни.

Значит, все-таки Фобос.

– Доброе утро, фрау Ирма! – поздоровалась Ольга, обходя пса. Тот следил за ней внимательным, настороженным взглядом, готовый разорвать ее в клочья по первому же приказу хозяйки.

А если и в лесу была одна из этих тварей? Напала на Зосю, растерзала, а потом вернулась в усадьбу. Тварь вернулась, а ее следы занесло снегом. Возможно такое? Ольга не знала, но надеялась выяснить.

– Вы опоздали, – сказала старуха вместо приветствия.

– У меня были на то причины.

– Какие же, позвольте полюбопытствовать?

– Мы с Ефимом, это водитель, который привозит меня в усадьбу…

– Я знаю. – В голосе старухи послышалось нетерпение. Да, доверие такой, как она, тяжело заслужить, но легко потерять. Ольга помнила.

– По дороге в Гремучий ручей мы нашли тело.

– Какое тело? – Нетерпение старухи сменилось… Чем? Удивлением? Страхом? Но что-то определенно изменилось.

– Женщины. Ее зовут Зоя Куликова. Она из села Видово, я ее знаю. Знала…

– И что с этим… телом? – Деймос сунулся к хозяйке за лаской, но она неожиданно резко оттолкнула его от себя. Пес поджал хвост, отступил.

– У него… У нее сломана шея и разорвано горло. Ефим считает, что на женщину могла напасть рысь.

– А что считаете вы, фрау Хельга?

Старуха приблизилась, заглянула Ольге в глаза. Вернее, попыталась заглянуть, но отступила.

– Я не знаю, способно ли животное вроде рыси сломать человеку шею. – спокойно проговорила Ольга. – Я знаю лишь одно – эта несчастная до сих пор в парке, мы оставили ее там.

– А следы? – Кофе убежал, а старуха этого даже не заметила. Она о чем-то сосредоточенно размышляла. – Там были какие-нибудь следы?

– Всю ночь шел снег. Если следы и были, то их замело. Мы ничего не нашли.

Ничего и никого. Вот только откуда тогда это зудящее чувство, что за ними наблюдали?

– Ждите! – велела фрау Ирма. – Мне нужно сообщить Отто. И, – она обернулась, – приберитесь тут пока. Кофе мы, похоже, сегодня пить не будем.

Старуха ушла. Деймос последовал за ней, а Фобос остался на кухне присматривать за Ольгой. Он сел в пороге так, что выйти в коридор не представлялось никакой возможности. Если только…

Ольга подошла к псу, присела, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Это было рискованно, возможно, даже опасно, но она должна попробовать, должна убедиться.

Фобос оскалился, зарычал, по его черной шкуре пошла нервная дрожь. Если бросится, Ольге конец…

Не бросился – наоборот, попятился, потом заскулил, упал на брюхо.

Значит, и с собаками такое срабатывает. Возможно, не со всеми. Вполне может оказаться, что Ольге сейчас просто повезло, но она обрела весьма полезное знание. И, скорее, не поняла, а именно почувствовала, что теперь Фобос не бросится на нее никогда. Не посмеет.

Ольга не стала говорить никаких банальностей, не стала называть эту четвероногую тварь «хорошим мальчиком» и гладить по голове. Она просто проверила силу своего влияния. Ей хватило. Спиной к Фобосу Ольга повернулась без страха. Сейчас она боялась лишь одного – что странное поведение пса может заметить его хозяйка.

Хорошо, что хозяйке было не до того. Она вернулась, едва только Ольга домыла кухонную плиту и ополоснула ковшик для варки кофе.

– Отто хочет сам посмотреть, – сказала фрау Ирма, не переступая порога кухни и не глядя на лежащего на полу Фобоса. – Вы покажете ему, где нашли тело.

Это была не просьба, это был приказ, и Ольга послушно кивнула.

– Это далеко? – спросила старуха.

– Нет, на границе парка, рядом с одной из статуй.

– Значит, мы можем прогуляться туда пешком. – А это уже сам Отто фон Клейст. Встал позади старухи, посмотрел на Ольгу поверх ее плеча.

Прогуляться… Для него это прогулка.

Ольге пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы на лице не отразилось ни ненависти, ни омерзения. Немного испуга – вот, что фон Клейст ожидает увидеть на лице простой учительницы. И она изобразила испуг – такой сдержанный, хорошо скрываемый, но очевидный. Фон Клейсту понравилось, он явно любил чужой страх – и сейчас он пил этот страх мелкими глотками, смакуя.

– Не бойтесь, фрау Хельга, – сказал, фон Клейст, «напившись». – Мы не пойдем туда одни. Я возьму охрану. Если это какое-то дикое животное, нужно быть наготове. – Он помолчал, а потом добавил: – Дикая страна, дикие звери.

Снаружи их уже ждало четыре автоматчика. При появлении Отто фон Клейста они вытянулись по струнке. На Ольгу никто из них не обращал внимания. Зато она обращала внимание на все. Фон Клейст не взял с собой ни одного из своих псов. Разве не было бы разумно взять на охоту собаку? Или его псы натасканы не на зверей? Могли ли те раны на шее несчастной Зоси остаться от их челюстей? Хватило бы у этих псов силы и ярости? Ольга была почти уверена, что хватило бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Фобос (др. греч. «страх»), Деймос (др. греч. «ужас»), Гармония – в древнегреческой мифологии одни из детей богини любви Афродиты и бога войны Ареса. Фобос и Деймос, согласно мифологии, сопровождали Ареса на полях сражений.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tatyana-korsakova/gremuchiy-ruchey

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить